

ОГЛАВЛЕНИЕ

3 выпуска, III тома, 1927 года.

	стр.
Проф. В. И. Руднев. Тургенев и Чехов в изображении галлюцинаций	181
Д-р И. Б. Галант. Эвродокринология великих русских писателей и поэтов:	
4. Достоевский	203
5. Некрасов	218
6. Леонид Андреев	223
7. Крылов	239
Д-р Я. В. Минц. Иисус Христос—как тип душевно-больного	243

НА 1928 ГОД ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА КЛИНИЧЕСКИЙ АРХИВ ГЕНИАЛЬНОСТИ И ОДАРЕННОСТИ (ЭВРОПАТОЛОГИИ)

Выходит под редакцией Г. В. СЕГАЛИНА.

Имеются комплекты 25, 26 и 27 года

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на год 5 руб., на $\frac{1}{2}$ года 3 руб.

Подписка и склад издания: «Практическая Медицина»
Ленинград, улица Лассала, № 2.

Все справки у редактора д-ра Г. В. СЕГАЛИНА,
Свердловск (бывш. Екатеринбург), улица
Вайнера, № 46.

802-27
3611-4

X452
12

КЛИНИЧЕСКИЙ АРХИВ

Гениальности и Одаренности

(ЭВРОПАТОЛОГИИ)

ПОСВЯЩЕННЫЙ ВОПРОСАМ
ПАТОЛОГИИ ГЕНИАЛЬНО-
ОДАРЕННОЙ ЛИЧНОСТИ,
А ТАКЖЕ ВОПРОСАМ ПА-
ТОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА

ВЫХОДИТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
д-ра Г. В. СЕГАЛИНА

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

Том III

1927 г.

X452-880

СКЛАД ИЗДАНИЯ «ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА»
ЛЕНИНГРАД, УЛ. ЛАССАЛЯ, 2
ИЗДАНИЕ РЕДАКТОРА

Тургенев и Чехов в изображении галлюцинации*)

Доклад в годовичном заседании общества невропатологов и психиатров в Ташкенте.

Проф. В. И. Руднева.

Русские писатели изображали иногда в своих произведениях галлюцинации. Это изображение таких весьма интересных психопатологических состояний заслуживает внимания, как своего рода талантливые истории бле ней а кроме того, авторы, благодаря своей гениальной интуиции, сами не замечая, открывают законы психического расстройства (напр., автоматизм, подсознательную деятельность и пр., как основу галлюцинаций), что для психиатра является в особенности поучительным.

Мною будет произведен психологический анализ «Клары Милич» Тургенева и «Черного монаха» Чехова.

В повести Тургенева «Клара Милич» прекрасно описаны галлюцинации различных чувств: слуха, зрения, осязания, температурного чувства. Случаи множественных галлюцинаций у одного и того же субъекта встречаются далеко не часто, а

*) Примечание редакции. Печатаемая здесь статья проф. В. И. Руднева хотя и имеет целью сравнение этих 2-х писателей в изображении галлюцинаций, однако для патографа и невропатолога имеет еще и другой интерес, на что мы и хотим обратить внимание здесь читателя.

Дело в том, что анализируемый здесь автором герой рассказа «Клара Милич» изображается Тургеневым душевно больным. Между тем, этот рассказ написан Тургеневым как раз в период развития его тяжелой нервной болезни, от которой он и умер (см. статью—«Нервно-психическая болезнь Тургенева перед смертью» Б. Я. Вольфсон «Кл. Арх. Ген. и Одар.» вып. 2-й том III—за 27 г.).

В 1882 году 18/9 сентября сам Тургенев писал М. Г. Савиной: «благодаря некоторому облегчению моих недугов мне удалось написать довольно большую повесть по содержанию почти безумную». Сопоставляя эти хронологические данные, болезнь Тургенева, болезнь героя «Клары Милич», написанного в это же время, невольно напрашивается мысль, не имеет ли этот рассказ автобиографического значения в патографии самого Тургенева? Ведь, не случайность, что он изобрел такой сюжет именно в этот период, когда у него развивались тяжкие нервно-психические страдания. Если Чехов брал такой сюжет, то, ведь, Чехов, будучи сам врачом, мог знать нервно-психические заболевания, не переживая их, но Тургенев избрал сюжетом изображение душевно-больного героя—не будучи врачом—явление не случайное. Патографические исследования большинства великих писателей нам давно уже показали, что изображение душевной болезни автором в большинстве случаев имеют автобиографическое значение. Впрочем, вопрос этот в будущей патографии Тургенева должен быть освещен надлежащим образом.

В. И. Руднева

потому очень любопытны. Нас интересует герой Аратов с психиатрической точки зрения, и мы рассмотрим как его болезненное состояние, так и те образы, которые служили источником галлюцинаций, а также отношение к ним самого Аратова. Уже с первых строк повести обрисован характер Аратова, который, происходя от больной матери, еще в детстве имел анемию и склонность к чахотке. Отец его был меланхолического нрава. Унаследовав от матери ее телесную, а от отца духовную организацию, Аратов вел уединенный образ жизни, избегал общества, в особенности женщин, жил, как дикарь, и только зачитывался книгами. Он отличался какой-то прирожденной стыдливостью, довольствуясь обществом своей тетки да товарища немца Купфера, которого привлекала к Аратову его душевная чистота, идеальность. Здоровье Аратова было не крепкое: у него наблюдалось сердцебиение, одышка. Он был впечатлителен, нервен, а главное мнителен, верил в то, что как в природе, так и в душе человеческой, существуют тайны, о которых можно иметь только представление. Таинственный мир нельзя постигнуть, его можно только предугадать по тем влияниям, которые он оказывает на человека, а это действие может быть и благоприятным и неблагоприятным для человека, смотря по тому, какие силы на него действуют. Но что эти силы существуют, он верил в это.

Товарищ Купфер, жизнерадостный и сангвиник, не мог, конечно, примириться с жизнью аскета и отшельника Аратова, его отчуждением от света и общества, и уговорил его как-то поехать на один музыкальный вечер с благотворительной целью. Этот вечер оказался роковым для Аратова: он увидел там Клару, да и для нее он имел трагические последствия: она впоследствии после свидания с Аратовым, который не понял порыва ее души, отравилась вследствие неразделенного им чувства любви.

Пропуская все подробности, так живо описанные Тургеневым, мы должны сказать, что Клара произвела известное впечатление на Аратова, и ему беспрестанно приходили на память слова: «несчастливая Клара, безумная Клара», относившиеся собственно к другой особе. После этого вечера, на котором Клара оказала много внимания Аратову, у него появилось, что-то неладное в его взглядах, в его речах, как заметила его тетка. Записка и свидание с Кларой также взволновали его, но все это не было настолько сильно, как известие, прочитанное им в газете, о самоубийстве Клары. Оно произвело потрясающее действие на него. Он был как отуманенный, ошеломлен; образ ее предстал пред ним, и слезы полились у него из глаз. Расспросив Купфера о подробностях самоубийства Клары, Аратов решил поехать в Казань и собрать там более подробные сведения. Он все время думал о ней.

«Перед ним опять всплыл образ Клары, с устремленным на него, залитым слезами взором, с приподнятыми к губам, стиснутыми руками».

Он старался прогнать от себя этот образ. Ночью ему приснился сон, он видел во сне женщину, образ которой превратился в Клару, и он слышал ее голос, который велел ему ехать «туда».

Поездка в Казань, беседа с родными Клары, чтение ее дневника и все прочее еще более расстроило нервы Аратова, и он очутился совершенно во власти своих воспоминаний. «Ему беспрестанно представлялся образ Клары до малейших подробностей, до таких подробностей, которых он при жизни ее как будто не замечал: он видел . . . видел ее пальцы, ногти, грядки волос на щеках, под висками, небольшую родинку под левым глазом, видел движение ее губ, ноздрей, бровей . . . и какая у нее походка, и как она держит голову немного на правый бок . . . все видел он. Он вовсе не любовался всем этим, он только не мог об этом не думать, не видеть.»

Из этих описаний можно заключить, какой *живости* достиг в воображении Аратова образ Клары, он как будто видел ее на яву, а во-вторых, образ этот уже носил *навязчивый* характер и являлся помимо воли Аратова, навязывался ему даже против и помимо его желаний. Аратов, как выразился Тургенев, чувствовал, что он находится во власти другого существа. Живость образа и его навязчивость есть одно из условий наступления галлюцинации, которая уже очень близка и должна роковым образом появиться, когда исчезнут, как говорит Тэн, ограничители этого образа, когда субъект потеряет различие между воображением и действительностью. Он сам, впрочем, невольно употребляет усилия, чтобы еще более укрепить этот образ тем, что увеличил портрет Клары, поместив его в стереоскоп, и вызвал впечатление телесности изображения. Он даже вздрогнул, увидя фигуру ее в стереоскопе.

Его рассуждения о бессмертии души, о жизни за гробом, а также суждения, почерпнутые им из книг и священного писания о силе любви и снова воспоминание о последнем свидании с Кларой, и все прочее настолько его расстроили, что он чувствовал себя утомленным.

Утомление, как известно, также является одним из условий, способствующих появлению галлюцинаций. Утомление это не располагает ко сну, как обычно усталость, а наоборот лишает сна и еще более обостряет получаемые впечатления, которые становятся даже несносными. Лежа в постели с закрытыми глазами во мраке ночи, Аратов почувствовал или скорее ему почудилось, что «кто-то шепчет ему на ухо».

Слуховая галлюцинация была здесь еще не ясна, и Аратов об'яснил ее себе шелестом крови вследствие биения сердца, но когда шопот продолжался и принял оттенок голоса Клары, послышались слова: «розы.. розы.. розы».

Аратов вспомнил, что во сне он видел на голове женщины розы.

Как часто сновидения имеют влияние на характер и содержание галлюцинаций.

Достоевский прекрасно знал об этом, указав на то, что у Голядкина галлюцинация представляла копию сна. Сновидение, как это уже доказано, представляет из себя кортикальные галлюцинации.

Улышав снова слово «розы», Аратов спросил шопотом: «ты ли это?» «Голос вдруг умолк».

Галлюцинация уже была настолько ясна, что Аратов даже с своей стороны предложил вопрос, хотя не получил ответа, он подумал: «это галлюцинация слуха». Значит, критическое отношение его оставалось, но вот удивительно: несмотря на указание здравого смысла, что он галлюцинирует, Аратов сам себе предлагает вопросы: «ну, а если она здесь», и что было бы с ним, если бы он увидел Клару?

Таким образом, вера или скорее суеверие может продолжать оставаться вопреки действию здравого смысла.

Суеверный, мнительный человек готов признать существование того, что противоречит действительности. Если Аратов увидит Клару, это будет служить доказательством существования другого мира и бессмертия души, если видение, впрочем, также не будет галлюцинацией.

В глубине души у Аратова было сильное желание видеть Клару, и ему даже было досадно, когда он зажег свечу и никого не увидел в комнате.

Слуховая галлюцинация еще не вызвала зрительной, но у него появилось новое ощущение: ему показалось, что кто-то стоит посреди комнаты, недалеко от него и чуть заметно дышет. Ему почудилось, что какой-то мягкий, бесшумный вихрь пронесся через всю комнату, через него, сквозь него, и слово «я» явственно раздалось в его ушах. «Я! Я!».

Он снова зажег свечу, но никого в комнате не видел. Он решил ждать. Глаза его слипались, казалось ему, что он их открывал. В комнате был полумрак, и вот пятно двери, на которую он смотрел, «шевельнулось, уменьшилось, исчезло... и на его месте, на пороге двери показалась женская фигура», которая прямо подвигалась к нему и смотрела на него; на голове ее веноч из красивых роз. «Клара!» подумал он, но это была тетка, которая вошла, встревоженная и разбуженная криком Аратова.

Здесь вместо галлюцинации у Аратова образовалась иллюзия; красный бант на ночном чепце тетки он принял за розу, а белую кофту за белую фигуру, черты же лица ее показались лицом Клары.

Все чары разлетелись, и Аратов громко рассмеялся при виде испуганного лица своей тетки. Он уснул, но ему было жаль чего-то».

На другой день, отправившись к товарищу Купферу, Аратов узнал от него подробности о самоотравлении Клары, и они так поразили его, что у него похолодели руки, задрожало в груди, и он побелел, как глина, на что и обратил внимание его

товарищ, назвав его «нервическим» человеком. Потрясающее впечатление, полученное им от рассказа о смерти Клары, еще более расстроило этого «нервического» человека.

Ему снова приснился сон, в котором отчасти была воспроизведена сцена отравления Клары; сначала фигурировала склянка с темной жидкостью, а потом Аратов увидел Клару в театральном костюме со склянкой яда в руках, которую она подносила к губам при криках: «браво!».

Проснувшись, он чувствовал присутствие Клары в комнате и спросил: «Клара, ты здесь?»

«Да!» было ответом (слуховая галлюцинация).

«Ощущение присутствия Клары было в нем сильнее, чем когда-либо».

Он произнес целую речь, убеждая Клару явиться ему, так как он любит ее страстно. Он почувствовал, как кто-то подошел к нему сзади—как тогда на бульваре—и положил ему руку на плечо (галлюцинация осязательного и мышечного чувства).

Он оглянулся, никого не видел, но ощущение присутствия Клары было несомненно. И действительно, он увидел, наконец: «на его кресле, в двух шагах от него сидит женщина, вся в черном. Голова отклонена в сторону, как в стереоскопе» (галлюцинация, как воспроизведенный образ).

Хотя Аратов и находился в состоянии галлюцинации, но здравый смысл у него еще не был потерян совсем, и он хотел окончательно убедить себя в ее присутствии, так как сомневался, не есть ли это его *воображение*.

Он говорил: «я знаю, что это ты... но, ведь, я могу подумать, что мое воображение создало образ, подобный тому (он указал рукой в направлении стереоскопа). Докажи мне, что это ты, обернись ко мне, посмотри на меня, Клара!». Желание Аратова увидеть Клару было так сильно, что он невольно сам себя загипнотизировал и вызвал желаемое для него явление.

«Голова Клары тихо повернулась, опустилась, веки раскрылись и темные зрачки ее глаз вперились в Аратова. Он подался немного назад и произнес трепетное—«А». Клара пристально смотрела на него, но ее глаза, ее черты сохраняли прежнее задумчивое, почти недовольное выражение.

С этим именно выражением на лице явилась она на эстраду в день литературного утра, прежде чем увидела Аратова. И так же, как в тот раз, она вдруг покраснела, лицо оживилось, вспыхнул взор, и радостная торжествующая улыбка раскрыла ее губы.

— «Я прощен, воскликнул Аратов. Ты победила... Возьми же меня... Ведь я твой и ты моя».

«Он ринулся к ней, он хотел поцеловать эти улыбающиеся, эти торжествующие губы, и он поцеловал их, он почувствовал

их горячее прикосновение (галлюцинация температурного чувства), он почувствовал влажный холодок ея зубов, и восторженный крик огласил полутемную комнату».

«Вбежавшая Платония Ивановна нашла его в обмороке, он стоял на коленях, голова его лежала на кресле, протянутые вперед руки бессильно свисли; бледное лицо дышало упоением безмерного счастья».

Когда он пришел в себя, он сказал, что он счастлив.

Да, действительно, он добился того, к чему стремился, воображение создало ему образ, который он воплестил в действительность и поверил своему созданию. «Он имел вид человека, который узнал великую для него очень приятную тайну и ревниво держит и хранит ее про себя. Изумляться, недоумевать он перестал. Он не сомневался в том, что вступил в сообщение с Кларой».

Он сошел с ума, прибавим мы от себя, и стал жить уже в области своей фантазии. Он решил, что Клара приходила за ним, и он должен умереть, но смерть не страшила его, так как там он соединится с Кларой. Здоровье его очень пошатнулось, он потерял аппетит, но уверял, что он самый здоровый и счастливый человек. После вторичного обморока он заболел горячкой и через несколько дней умер, а перед смертью бредил отравой, называл себя Ромео, говорил о заключенном браке; придя на минуту в сознание, он утешал тетку, говоря, что любовь сильнее смерти. На лице умирающего засияла та блаженная улыбка, от которой так жутко становилось бедной старухе.

Я воспроизвел довольно подробно перед Вами наиболее существенные моменты психического состояния Аратова, у которого галлюцинации наблюдались почти во всех органах чувств, и подчеркнул уже как влияние воображения, так и сновидений на галлюцинации. Теперь мы подробно остановимся на подчеркнутых нами фактах, касающихся галлюцинаций, разберем в отдельности влияние каждого из них на происхождение галлюцинаций. На первом плане, конечно, будет стоять воображение»

1. Воображение, как основа галлюцинации.

Тургенев очень хорошо понимал, что галлюцинации являются продуктами воображения. Они суть образы, созданные умом, настолько живые, что вводят в заблуждение самый же ум, они представляют из себя обману ума, что в начале и сознают даже сами галлюцинанты. Взяв образ за исходную точку галлюцинации, Тургенев завладел настоящей позицией, не сходя с которой, он совершенно верно изобразил все подробности развития галлюцинации и постепенное овладение ею своей жертвой, которая представила благоприятную почву для пышного расцвета этого образа.

Живость образа, как мы уже сказали, есть первое условие для зарождения галлюцинаций. Тургенев это отметил, указав на то, что образ Клары в начале был настолько ярким, что малейшие черты ее лица воспроизводились Аратовым с ясностью очевидного зрения, как будто он видел ее перед собою.

При обычных условиях, как говорит психолог и психиатр *Циген*, при воспоминании о чем-либо, живость, отличительный признак каждого впечатления отсутствует. Образы воспоминаний при сравнении с действительностью бледны, они не чувственны, но интеллектуальны, умственны, и мы всегда отличали их от непосредственно полученных впечатлений. Воспроизведение зрительных и слуховых впечатлений более живо, чем другие, этим и объясняется частота зрительных и слуховых галлюцинаций, но образы других впечатлений, как напр., вкусовых, обонятельных, температурных в нашем уме очень бледны и не ярки; вообразить себе холод, тепло, напр., мы можем только посредственно, представив себе зрительно ту обстановку, в которой мы получили эти впечатления.

Но иногда образ приобретает такую живость, что приближается по своим качествам к ощущению, это в особенности тогда, когда он является произвольно и носит навязчивый характер. Ну, напр., какой-нибудь мотив не дает нам покоя, и мы слышим как будто арию или музыку в своих ушах. Образ этот перед нами и вызывает неприятное чувство; мы стараемся избавиться от него, делаем попытки не обращать на него внимание, отвлекаемся в сторону, но он снова овладевает нами и напоминает о себе. Это в особенности бывает с нами когда мы испытали какое либо нравственное погрязение: потерю близкого лица или подвергались какой-либо опасности, напр., при крушении поезда или пожаре на пароходе. Тогда все пережитые нами сцены воскресают, всплывают в воображении и заставляют нас снова переживать их.

Это потому, что они сопровождались *эмоцией*, душевными волнениями. Образ, который запечатлелся у нас при известной эмоции, отличается особой силой, он как бы опирается на чувство и становится более могущественным; в эмоции он имеет какую-то поддержку; с другой стороны, эмоция или душевное волнение само по себе может сделать образ настолько живым, что он становится галлюцинацией (примеры у Кандинского).

Эмоция есть одно из условий галлюцинации.

Если же к этому еще присоединится воля или желание вызывать образ, фиксировать его, думать о нем исключительно, то он может, как выражаются, гипертрофироваться, т. е. приобретать еще большую силу и живость.

Аратов, прочитав известие о насильственной смерти Клары, об ее отравлении, был потрясен, он испытал сильное душевное

волнение, эмоцию; образ Клары предстал пред ним так ярко и чувственно, он испытывал такую жалость, что слезы полились у него из глаз. Образ, запечатленный при условиях эмоции, воспроизводится именно в том же виде, и Тургенев, описывая галлюцинации у Аратова, отметил их характерные особенности: у Клары было то же выражение лица, она так же покраснела и даже так же подошла сзади, как и на бульваре, во время свидания. Все это указывает на то, что галлюцинация есть повторение того же самого впечатления, какое было получено раньше.

Она есть воспоминание, воспроизведение того, что уже раньше было воспринято или пережито, хотя бы даже во сне. И сон может повториться в галлюцинации, которая напоминает сноподобное состояние. Галлюцинанты иногда не могут отдать себе отчета, видят они что-нибудь во сне или на яву. Иван Карамазов Достоевского говорил о своей галлюцинации; «не знаю только, спал ли я в прошлый раз или видел тебя на яву». Аратов видел Клару всегда ночью, обыкновенно после сна, когда мозг его находился, быть может, еще во власти сонных грез, тогда как днем она ему никогда не являлась. Ночная тишина, полумрак комнаты или совершенная темнота, сновидения способствовали появлению галлюцинации.

Это понятно, в это время не было других отвлекающих, исправляющих «корректирующих», как выражается *Тэн*, внешних влияний, которые бы ослабляли силу умственного образа и возвращали бы к действительности. Зажженная свеча, появление тетки разгоняло фантастические видения, и Аратов освобождался от них. Он во сне продолжал фантазировать и переживал то, что испытал на яву. Рассказ товарища Купфера, что Клара отравилась в театре, отразился во сне видением Клары в театральном костюме, подносящей склянку с ядом к губам.

Психология сновидений учит нас тому, что во сне мы переживаем события кануна, которые могут быть, конечно, изменены под влиянием работы сна, но Тургенев правильно рисует эту работу сна, а также содержание сновидений, соответствующее как событиям, испытанным Аратовым, так и поразившим его фактам. Сон есть продолжение действительности, как и действительность может быть продолжением сна. Изучив законы сновидений, можно понять механизм галлюцинаций, к которому мы и перейдем.

Механизм галлюцинации.

Установив природу галлюцинаций, которая есть не что иное, как образ, созданный воображением и принятый за действительность, можно думать, что она при своем развитии и действии подчиняется тем же законам, как и образы вообще, т.е. появляется в известное время, а затем исчезает, делается более яркой или бледной. Способ проявления ее или механизм дей-

ствительно носит все эти черты, но отличается от обыкновенного образа своим *непроизвольным* появлением помимо желаний, своей навязчивостью и *автоматизмом*. Он не подчиняется воле суб'екта, а самостоятелен. Галлюцинация Клары появлялась не в тот момент, когда этого хотел Аратов, а тогда, когда для нее наступало время, так же как и исчезала она помимо желания или даже вопреки желанию Аратова; по своему механизму галлюцинация соответствовала тому же процессу, какой происходит при *воспоминании*, да и она сама по себе представляла не что иное, как воспоминание прежде пережитого или слышанного, или каким бы то ни было другим способом воспринятого. Отличие ее от воспоминания заключается в том, что образ воспоминания у здорового считается суб'ективным, тогда как галлюцинация есть явление, признаваемое об'ективным. И вот что удивительно: в начале больные могут сознавать суб'ективное происхождение галлюцинаций, а потом они относятся иначе к этому явлению, они теряют способность отличать воображение от действительности; бывает и наоборот: то, что они считали об'ективным, чужим, они со временем признают своим произведением, все дело в их вере, к которой я и перейду.

Вера в галлюцинацию.

Увидев галлюцинаторно Клару, Аратов сознавал, что, ведь, это может быть результатом его собственного воображения, и требовал от Клары доказательств ее жизненности т. е. движений. Все неподвижное кажется нам мертвым, неживым, и первым признаком жизни является движение; если то, что мы видим, двигается в различные стороны, значит, это живо. Когда Клара начала производить движения, подняла руку, повернулась, раскрыла глаза, покраснела, улыбнулась, то Аратов *поверил* в то, что она явилась ему живой. Тогда он бросился к ней и поцеловал ее, и упал в обморок. Дорого обошлась ему эта вера, он заплатил за нее бредом и сумасшествием. Не легко приобрести веру, но если человек обрел ее, можно, как говорят, двигать горами.

Какое это интересное психологическое состояние вера и как трудно быть верующим! Не есть ли, однако, наша вера галлюцинация? Ведь, внешнее восприятие *Тэн* же считает психикой галлюцинаций, а *Беркли* давно уже сказал: «мы лишь созерцали свои собственные идеи».

Аратову ум подсказывал, что образ Клары может быть результатом воображения, но чувство заставило его поверить в загробную жизнь и возможность умершим являться живым, или, вернее, свои чувства он подкрепил верой и запутался в ней. А раз уже он поверил, трудно было бы убедить его в противном, т. е. что все это ему кажется и не нужно верить

Пигмалион, изваявший статую Галатеи, хотя и видел, что она есть его произведение, но, поверив в то, что она ожила, потерял различие между неодушевленной статуей и живым человеком. Он сошел с ума.

Фома неверующий хотя и видел Христа, но только тогда, когда вложил персты в раны, поверил в то, что он жив и воскрес.

Таким образом, для веры требуется какое-то особое состояние, когда он впадает в состояние гипноза, т. е. в состояние галлюцинации.

Мопассан, видя своего двойника, сидящего в кресле, не верил его действительному существованию, а потому не сходил с ума, художник же, который обладал настолько живым воображением, что мог вообразить человека, посадить его на кресло и рисовать с него портрет, сошел с ума, когда поверил его существованию, тогда он потерял различие между действительностью и воображением.

Аратову тем легче было поверить галлюцинации, что он верил уже раньше в тайны.

Кант в критике чистого разума говорит: нельзя не считать позором, что философия и разум прибегают для доказательства существования внешнего мира к простому свидетельству веры». (Льюис. История философии Р. П. 1897 г. стр. 491).

Вера спасает, также как она сопротивляется доказательствам.

Философ Льюис, рассматривая учение Беркли, являющееся чистым идеализмом, говорит, что идеализм не вселяет в нас никакого убеждения, и что в человечестве есть непреодолимая вера в то, что объекты существуют независимо от восприятия их нашим или другим умом, что они существуют *per se* и всегда продолжали бы существовать, если бы не было ума, но из того, что вера непреодолима, вовсе не следует, что она основательна. (Льюис *ibidem* 49).

Аратов, поверив, стал уже другим человеком. Вера в реальность своих галлюцинаций настолько изменяет психику, что она делается уже недоступной доказательствам разума, вот почему при душевных болезнях вера больного в галлюцинации и свой бред поражает врача своей стойкостью, она указывает на глубокое понижение умственного уровня; он действительно, сходит с ума, как бы с известного возвышения и спускается вниз. С другой стороны, насколько знание просвещает и поднимает вверх, и заставляет отказаться от наивных верований, свойственных людям необразованным. При выздоровлении от душевной болезни вера в галлюцинацию исчезает, и больной убеждается, что все это ему казалось.

Патогенез галлюцинаций.

Признав, что в основе галлюцинации лежит образ, т. е. представление, можно быть уверенным, что в патогенезе или

происхождении галлюцинации участвуют те именно участки мозга, где сосредоточены образы или представления, а такими участками являются только известные части мозговой коры, в которых заложены наивысшие психические центры, т. е. центры понятий, так наз. ассоциативные центры, не связанные непосредственно с периферией, а с чувственными центрами.

Вопрос, в каком же состоянии находятся эти центры, в состоянии возбуждения или угнетения? Научные данные позволяют высказаться в пользу того, что эти центры понятий находятся в возбужденном состоянии, которое было подготовлено предшествовавшими событиями и раздражениями. Так как галлюцинации выражаются произвольными, нежелательными, насильственными актами, совершающимися помимо воли, то они носят характер, так называемой, подсознательной деятельности, результатом которой, собственно, они и являются.

После этих кратких рассуждений, я перейду к психоанализу произведения Чехова и должен извиниться, что мне придется довольно много цитировать, но без этого невозможно было обойтись, ибо рассуждения больного есть своего рода история болезни, и важно подчеркнуть его собственные слова.

„Черный монах“ Чехова.

Здесь действующим лицом—галлюцинантом является также интеллигентный человек, который может разобраться в своих психических переживаниях и критически отнестись к своему состоянию. Кроме того, автор этого произведения Чехов, как известно, врач и, следовательно, изображение им душевной болезни должно быть несколько иное, чем, напр., Тургенева, и мы вправе ожидать от Чехова, как от врача, более естественного, а не искусственного, так сказать, отношения к изображенному им патологическому явлению, и пред'явить к нему даже известные требования. Чехов начинает с указания, что герой Коврин магистр, утомился и расстроил себе нервы. Утомление и расстройство нервов есть условие, как мы уже сказали, предрасполагающее к появлению галлюцинаций. Психиатр *Чиж* говорит, что у *Гете*, этой идеально гармонической натуры, видение своего двойника было после сильного душевного потрясения и утомления путешествием.

Еще *Плутарх* устами Кассия об'яснял известные галлюцинации Брута его чрезмерным физическим и психическим утомлением.

Получив совет врача поехать в деревню отдохнуть, Коврин, философ и психолог, «продолжал вести такую же нервную и беспокойную жизнь, как в городе: он много читал и писал, учился итальянскому языку», а главное: «он спал так мало, что все удивлялись». Расстройство сна у лиц нервных есть весьма частый симптом. Коврин: «слушая песни и музыку,

изнемогал от них, у него слипались глаза и клонило голову на бок».

В таком изнеможении, и когда у него слипались глаза, постытого, как он из пропетой арии понял, что одна, большая воображением девушка, слышала в саду какие-то таинственные звуки, в виде священной гармонии, непонятной смертным и улетевшей в небо, Коврин, выйдя в сад с Таней, рассказал ей о легенде про черного монаха, который 1000 лет тому назад шел по пустыне где-то в Сирии, его отражение или мираж видели на поверхности озера, от миража, вопреки законам оптики, получился другой мираж, третий и т. д. Во всех слоях атмосферы получилось изображение этого монаха, но весь интерес в том, что через тысячу лет он снова попадет в темную атмосферу и покажется людям не сегодня, завтра.

«Странный мираж», сказала Таня, которой не понравилась легенда.

«Но удивительнее всего, засмеялся Коврин, что я никак не могу вспомнить, откуда мне попала в голову эта легенда. Читал где, слышал? Или, быть может, черный монах *СНИЛСЯ* мне. Клянусь богом, *НЕ ПОМНЮ*. Но легенда меня занимает. Я сегодня о ней целый день думал». Хотя Коврин не знает, откуда у него в голове взялась эта легенда, может быть, действительно она ему приснилась, что иногда и бывает при галлюцинациях, важно то, что его голова целый день занята ею; эта мысль, носит навязчивый характер, на подобие какого-то музыкального мотива, твердо засела у него в воображении. Этот образ черного монаха всецело царил в его мозгу, и ждал только удобного момента, чтобы проэцироваться в пространство, об'ективироваться, стать галлюцинацией». Психолог Тэн—сказал бы: «пока образ этот корригировался другими впечатлениями, исправлялся, уравнивался другими образами, пока масса остальных впечатлений, воспринимаемых обычно, держала Коврина в состоянии разумного бодрствования, равновесия, все было хорошо; но лишь только оно прекратится вследствие гипертрофии или атрофии одного из элементов, Коврина постигнет полное или частичное помешательство», а оно не за горами, оно очень близко. По смыслу легенды монаха должно ожидать сегодня или завтра.

Коврин *в раздумьи: напрягая мысль* (он сам подготовлял галлюцинацию) шел мимо цветов, испускавших влажный, раздражающий запах, при звуках скрипки, издававшей как бы звук человеческого голоса, по парку незаметно дошел до реки; широкое поле, отсутствие человеческого жилья, спокойная поверхность реки, мягкие лучи заходящего солнца, тропинка, ведущая в неизвестное загадочное место, а главное, простор, свобода и *тишина*, настроили воображение на особый лад: казалось, что весь мир смотрел на него, притаился и ждал, чтобы он его понял.

Таинственная, опасная минута!

В такие мгновенья душа охватывается каким-то особым чувством слияния с природой, когда «я» человека теряется, он чувствует себя частицей этой природы, дышит ее дыханием, теряет *самообладание* и в *самозабвении*, как бы в *полусне* воспринимает внешние впечатления, живет только внутренним чувством, образами, в области фантазии, отрешившись и позабыв о внешнем мире; для него существует только внутренний мир, он как бы переселился в свои психические центры и как во сне подчинился только одной идее. В эти минуты можно понять психический процесс, что всякая реальность создается только способностью воображения, как думал философ *Фихте*, ну, а философ Коврин уже начал галлюцинировать. Дунул ветерок, пошевеливший ему волосы и пробежавший волной по ржи, затем ветер усилился, рожь зашумела сильнее и послышался ропот сосен.

«Коврин остановился в изумлении. На горизонте точно вихрь или смерч поднимался от земли до неба высокий черный столб. Контур у него были не ясны, он двигался с быстротою, становясь все меньше и яснее. Коврин бросился в рожь, чтобы дать ему дорогу. Монах в черной одежде с седою головою и черными бровями, скрестив на груди руки, пронесся мимо. Босые ноги его не касались земли. Уже пронесясь сажени на три, он оглянулся на Коврина и улыбнулся ему ласково и в то же время лукаво. Но какое бледное, худое лицо! Опять начиная расти, он пролетел через реку, неслышно ударился о глиняный берег и сосны и, пройдя сквозь них, исчез, как дым.

«Ну вот видите ли... пробормотал Коврин, значит, в легенде правда».

«*Не стараясь* об'яснить себе странное явление, довольный одним тем, что ему удалось так близко и так ясно видеть не только черную одежду, но даже лицо и глаза монаха, приятно *взволнованный* он вернулся домой. Он один видел монаха. Ему сильно хотелось рассказать обо всем Тане, и ее отцу, но он сообразил, что они, наверное, сочтут его слова за бред, и это испугает их, лучше промолчать. Он громко смеялся, пел, танцевал мазурку, ему было весело, и все гости и Таня находили, что *сегодня* у него *лицо* какое-то *особенное*, лучезарное, вдохновенное и что он очень интересен». Итак, у него была зрительная галлюцинация, к восприятию которой он уже раньше подготовился, да и ее самое подготовил. Как перед галлюцинацией, так и во время ее он находился в состоянии *эмоции*, душевного волнения, которое я считаю одним из условий появления галлюцинации. Эта эмоция захватила Коврина настолько, что он очутился в ее полной власти, он поверил ей, он обманулся умом, приняв свой собственный образ за действительность; в первые минуты он не

мог разобраться в своем собственном состоянии и произведении, а всецело подчинился ему, и только потом он уже стал рассуждать и отчасти критически относиться к своему видению. Он не справился сразу со своей галлюцинацией, как это сделал *Гете*, увидевши своего серого двойника, или еще лучше *Мопассан*, который, видя своего двойника, правильно рассуждал: «это есть галлюцинация и если не иметь капельки здравого смысла, т. е. сойти с ума, поверить существованию двойника, обмануться умом, подвергнуться самообману. Эта психическая операция Мопассана, при которой сохранилось у него самосознание, т. е. критическое отношение к данному восприятию, эта капелька здравого смысла как раз именно отсутствовала у философа и психолога Коврина.

Он находился в особенном физиологическом состоянии оживления, что не укрылось от остальных гостей и Тани, так как это волнение отражалось на его лице и поведении. Он настолько был *уверен*, что действительно видел этого монаха телесными, а не умственными очами, что даже боялся рассказывать об этом, ибо ему не поверят, сочтут за бред, испугаются, а потому молчал, он был доволен, что видел его так близко и мог рассмотреть его. Уйдя к себе в комнату, он хотел думать о нем и не мог читать ничего на ночь.

«Приятное возбуждение теперь томило его, вызывало множество мыслей. Ходя по комнате, он стал думать о черном монахе, и вот только теперь ему пришло в голову, что если этого странного, сверхъестественного монаха видел только он один, то, значит, *он болен и дошел уже до галлюцинации*. Это соображение испугало его, но не надолго.—Но ведь мне хорошо, и я никому не делаю зла, значит, в моих галлюцинациях нет ничего дурного, подумал он, и ему опять стало хорошо. У него была непонятная радость, наполнявшая все его существо; ему хотелось чего-то гигантского, необъятного, поражающего. Почти всю ночь он не спал и только вином он затуманил свое сознание и под утро уснул.

На другой день у Коврина к зрительной галлюцинации присоединилась и слуховая. Вечером, сидя в саду и слыша пение и звуки скрипки, напомнившие ему про черного монаха, он подумал: „где-то находится эта оптическая несообразность, и едва он *нарисовал* в своем *воображении* то темное привидение, которое видел на ржаном поле, как из-за сосны, как раз напротив, вышел неслышно, без малейшего шороха человек среднего роста с непокрытой седой головой, весь в темном и босой, похожий на нищего, и на его бледном, точно мертвом лице, резко выделялись черные брови. Приветливо кивая головой, этот нищий или странник бесшумно подошел к скамье и сел, и Коврин узнал в нем черного монаха. Минуту оба смотрели друг на друга, Коврин с изумлением, а монах ласково, и как и тогда, немного лукаво, с выражением себе на уме.»

«Но ведь ты мираж», проговорил Коврин, «зачем же ты здесь и сидишь на одном месте? Это не вяжется с легендой.»

— «Это все равно,» ответил монах не сразу, тихим голосом, обращаясь к нему лицом. «Легенда, мираж и я—все *продукты твоего возбужденного воображения*. Я призрак.»

— «Значит, ты не существуешь?» спросил Коврин.

— «Думай, как хочешь,» сказал монах и слабо улыбнулся. Я существую в твоём воображении, а воображение твоё есть часть природы, значит, я существую и в природе.»

— «Я не знал, что мое воображение способно создавать такие феномены. Но что ты смотришь на меня с таким восторгом. Я тебе нравлюсь?»

«Да, ты один из тех немногих, которые по справедливости называются избранниками Божиими.»

В дальнейшей беседе монах, отвечая на вопросы Коврина о бессмертии, о цели жизни, о великой будущности людей, о царстве вечной правды, наговорил ему много приятных для него вещей.

— «Как приятно тебя слушать,» сказал Коврин. Но так как он сознает, что монах есть призрак, галлюцинация, то, значит, он психически болен, ненормален. Но и здесь монах его успокоил, доказав ему, что он заболел вследствие переутомления, принеся в жертву идее свою жизнь и здоровье, т. е. поступил так, как благородная натура.

Коврин задал вопрос, может ли он себе верить, раз он психически болен, и на это монах дал ответ, что гениальные люди, будучи родственны помешательству, также видели призраки, и что здоровые—только заурядные, стадные люди.

— «Странно, ты повторяешь то, что *часто мне самому приходит в голову*—сказал Коврин. Ты *как будто подсмотрел и подслушал мои сокровенные мысли*.»

В действительности, так оно и было. Монах, или вернее сам Коврин, *влагал свои собственные мысли в уста монаха*, который явился, т. образом, его *вторым я*. Коврин раздвоился, стал двойным и сам с собою вел беседу. Как известно, душевно-больные весьма часто беседуют сами с собой, не подозревая этого, а думая, что они отвечают на голоса, которые слышат. Здесь подсознательная работа, о которой все время психиатры говорят при обсуждении психических процессов душевно-больных, настолько рельефно происходит, что сама себя выдает, являясь уже об'ективированной для мира; ведь, в сущности мы сами часто ведем с собой беседу внутреннюю, обсуждая какие-либо мотивы поступков, приводим себе всякие возражения и, наконец, останавливаемся на каком либо решении, но разница между нами и душевно-больными та, что мы ясно отдаем себе отчет, что все мысли, появляющиеся в голове, принадлежат нам, мы признаем их своими, душевно же больные теряют чувство принадлежности себе

непроизвольно появляющейся у них мысли, тогда как произвольное мышление они считают своим.

Коврин, хотя и сознавал, что он галлюцинирует, так как он был психолог и философ и мог разбираться в своих мыслях и до некоторой степени критически относиться к ним, он даже сознавал конец галлюцинации, когда монах исчезал у него с вида и он говорил «галлюцинация кончилась, а жаль», но он, как я сказал, настолько был охвачен душевным волнением, эмоцией, что не мог справиться с этим последним состоянием, так же как мы, сознавая, что солнце есть шар неизмеримых размеров, не можем отделаться от обычного нам представления его в виде небольшого диска.

Коврин был весел и счастлив. Слова монаха льстили всему существу его: он избранник, служит вечной правде, он стремится к счастью человечества.

Идея величия постепенно овладевала его мозгом. А тут еще завладело им чувство счастья.

У него было восторженное сияющее лицо и глаза, полные слез. Он переживал светлые, чудные, неземные минуты, как сказал он Тане, но не мог рассказать ей всего, так как она не поверит ему и назовет его сумасшедшим, он признался, что любит ее, хочет любви, которая бы захватила его всего и эту любовь она ему может дать, он счастлив, счастлив. Он захлебывался от этого счастья и совсем уже потерял остатки своего ума.

Хотя Коврин был интеллигентным человеком, психологом и философом, критически относившимся к своему состоянию, сознававшим, что он галлюцинирует, он, однако, не мог справиться со своим состоянием, ибо это была болезнь, так же как и *Мопассан*, который хотя в начале и боролся с галлюцинацией, но в конце концов сошел с ума и кончил свою жизнь в психиатрической больнице, как и тот художник, который воображаемое лицо в конце концов смешал с действительностью. Такова сила психической болезни. Большой мозг не может сопротивляться, и побеждать галлюцинацию.

Коврин хвалился своим счастьем и испытывал такое чувство, которое несвойственно здоровым людям, переживал светлые, чудные, неземные минуты, но едва ли ему можно было бы позавидовать да кроме того, мне кажется, здесь у душевно-больных, при описании ими своих чувств, есть известная степень преувеличения. Не особенно давно в литературе появилась книжка *Вавилова* «О безумии», где автор проводит те же мысли, что и «Черный монах»: здоровые, обычные люди не испытывают таких чувств, которые он сам, автор, будучи душевно-больным, испытал, и только сумасшествие может доставить человеку такие наслаждения.

Он делает ссылки на гениев, так же как и чеховский монах, сродных помешательству, которые испытали такие чув-

ства, но с его мнением совершенно нельзя согласиться, и при более внимательном анализе этих «неземных» чувств, переживаемых больными, которые в их описаниях употребляют этот термин, при анализе, повторно, оказывается, что здесь есть значительное преувеличение.

Любовь Коврина к Тане подлила масла в огонь. Все время находясь в страстной любовной атмосфере, Коврин галлюцинировал, подолгу беседовал с монахом и был уже крепко убежден, что подобные видения посещают только избранных выдающихся людей, посвятивших себя служению идее. Это убеждение было настолько крепко, что когда монах явился к Коврину, то он вел разговор на тему, интересную для монаха, и тот приветливо кивал ему головой; окружающие его этого, конечно, не видели.

Галлюцинации Коврина не могли не быть в конце концов замечены его женой, и однажды в 5 ч. утра, когда он беседовал очень горячо с монахом, то его жена Таня, проснувшись, с ужасом наблюдала сцену, когда ее муж, «обращаясь к креслу, жестикулировал и смеялся, глаза его блестели, и в смехе было что-то странное». Когда она спросила, с кем он разговаривает, он в смущении указал на кресло, где конечно, никого не было. Тогда она воскликнула: «ты психически болен, Андрюша!» Она «давно уже заметила, что душа его чем-то расстроена, так как он иногда разговаривал сам с собой». Коврин только «теперь понял, что значит черный монах и беседа с ним. Для него теперь было ясно, что он сумасшедший».

Для вас, может быть, кажется странным, что сумасшедший сознает себя таковым; обыкновенно, ведь, душевно-больные себя не считают сумасшедшими, но это не есть общее правило, некоторые больные считают себя сошедшими с ума, некоторые даже сознают, что они сходят с ума. Итак, Коврин поехал к врачу и стал лечиться, он «выздоровел», перестал видеть черного монаха, и ему оставалось только подкрепить свои физические силы. Живя у тети в деревне, он пил много молока, работал только 2 часа в сутки, не пил вина и не курил, но он стал скучать и жаловаться своим родным, зачем они его лечили. «Бромистые препараты, праздность, теплые ванны, надзор, малодушный страх за каждый глоток, за каждый шаг, все это в конце концов доведет меня до идиотизма». «Я сходил с ума, у мен была мания величия, но за то я был весел, добр и даже счастлив, я был интересен и даже оригинален! Теперь я стал рассудительнее и солиднее, но за то я такой как все: я посредственность, мне скучно жить. Я видел галлюцинацию, но кому это мешало?» Таня определяла состояние мужа так: «муж стал раздражителен, капризен, придирчив и неинтересен». Но Коврин продолжал свое: «как счастлив Будда и Магомет или Шекспир, что добрые родственники и доктора

не лечили их от экстаза и вдохновения». В сильно раздражительном состоянии, желая вернуть прошлогоднее настроение, он закурил крепкую сигару и приказал лакею принести вина, но от сигары и двух глотков вина у него закружилась голова и началось сердцебиение, так что понадобилось принимать бромистый калий. Коврин получил самостоятельную кафедру, но читать лекций не мог по болезни, у него шла горлом кровь. Мать его умерла от чахотки, передав ему эту болезнь. Он разошелся со своей женой, сошелся с другой женщиной. От Тани он получил письмо, в котором она посылала ему проклятья: «я приняла тебя за необыкновенного человека, за гения, я полюбила тебя, но ты оказался сумасшедшим».

Коврин изорвал это письмо, он размышлял о суете мирской, сознавал, что представляет из себя посредственного ученого. Выйдя на балкон, он услышал ту самую мелодию о девушке, больной воображением, она напомнила ему прошлое, у него захватило дыхание, сердце сжалось от грусти, и чудесная сладкая радость, о которой он давно уже забыл, задрожала в его груди.

Черный, высокий столб, похожий на вихрь или смерч, показался на том берегу бухты. Снова явился ему черный монах.—«Отчего ты не поверил мне?» спросил он с укоризной, глядя ласково на Коврина. Если бы ты поверил мне тогда, что ты гений, то эти два года ты провел бы не так, печально и скучно.» Коврин уже верил тому снова, что он избранник божий и гений, он живо припомнил свои прежние разговоры с черным монахом и хотел говорить, но кровь текла у него из горла прямо на грудь... он звал Таню, свою чудесную науку, свою молодость, смелость, радость, звал жизнь, которая была так прекрасна. Невыразимое безграничное счастье наполняло все его существо. Черный монах шептал ему, что он гений, что он умирает потому только, что его слабое человеческое тело уже утеряло равновесие и не может служить оболочкой для гения.

Коврин был мертв и на лице его застыла блаженная улыбка. Хотя Коврин и умер, но мы еще немного поговорим о нем. Вы изволили слышать, что в начале, после лечения от болезни, он выздоровел, но затем снова заболел; болезнь его приняла, повидимому, периодический характер.

Таким же периодическим психозом болел и Гаршин. Эта особенность — периодичность болезни Коврина поможет нам понять то состояние духа, в котором он находился, когда у него не было галлюцинаций, и он чувствовал себя таким несчастным, и это не потому, что у него не было галлюцинаций, а потому что настроение духа его было болезненное, как предвестник наступления галлюцинаторного состояния, или же как вторая фаза его болезни.

Если вы проследите биографию Гаршина, то вы там найдете указание на чрезвычайно тоскливое состояние его духа, его меланхолию, когда все представлялось ему в мрачном свете, и он был также раздражителен, как Коврин.

Сравнение повести «Клара Милич» Тургенева с повестью «Черный Монах» Чехова в понимании авторами психологии галлюцинаций.

Повесть Тургенева была написана, как известно, раньше Чехова. Можно почти с уверенностью сказать, что Чехов был знаком с нею и даже отчасти взял ее за образец, так много общего в психологических подробностях развития галлюцинации той и другой. Если же это предположение не соответствует фактически подражанию одного автора другому, то тем более интересно сравнить их между собою и отыскать сходные черты, что будет служить доказательством того, как оба писателя верно поняли и изобразили психический процесс не в области здравого ума, а в его болезненном состоянии, что, конечно, весьма трудно для не специалиста в области психопатологии, но должно было быть легче Чехову, как врачу, в сравнении с Тургеневым.

Представим сравнительную таблицу:

А р а т о в.

1. *Наследственность.* Мать была больна чахоткой и сын унаследовал от матери анемию и склонность к чахотке.

2. *Непосредственные причины галлюцинаций:* нравственные потрясения, утомление, нервность.

3. *Изменение настроения:* неладное в речах и взглядах, был очень не в духе, какой-то «расстроенный».

4. *Появление образа* Клары на яву и во сне; думал о ней, даже беспрестанно представлялся образ Клары до малейших подробностей.

5. *Внешние условия,* предрасполагавшие к галлюцинации: мрак комнаты, тишина, закрытые глаза.

6. *Вначале слуховая* галлюцинация, зрительная впоследствии, а между ними осознательная.

7. *Критическое отношение* к слуховой галлюцинации, после того, как в первый момент поверил в нее.

8. *Признание воображения, как основы* создания образа.

9. *Беседа с галлюцинацией.* Бред.

10. *Счастье Аратова* и смерть его.

К о в р и н.

1. *Наследственность.* М а т ь умерла от чахотки. Сын также был чахоточный и умер от чахотки при явлениях кровотечения из горла.

2. *Непосредственная причина галлюцинаций:* утомление, расстройство нервов.

3. *Изменение настроения:* нервная, беспокойная жизнь, бессонница, возбуждение.

4. *Появление образа* монаха; думал о монахе, о легенде, относящейся к нему, может быть, монах ему снился.

5. *Внешние условия:* простор, свобода и тишина, спокойная поверхность реки, мягкие лучи солнца, поле.

6. *Вначале зрительная* галлюцинация, потом слуховая, между ними осознательная.

7. *Первый момент вера в галлюцинацию,* потом критическое отношение к ней.

8. *Воображение есть основа* галлюцинации, которая является его продуктом.

9. *Разговоры с монахом,* высказывавшим мысли Коврина. Бред величия.

10. *Счастье Коврина* и смерть его.

Если Вы сравните обе таблицы, то увидите, что одна может быть поставлена на место другой: почти буквально одно и то же во всех 10 пунктах. И так как Чехов писал позже Тургенева, то, конечно, он мог бы явиться подражателем, но не списал же он, подобно гимназисту, у Тургенева план и по нем составил свою повесть. Вернее то, что мышление обоих писателей оказалось совершенно одинаковым, и понимание ими психологии галлюцинаций явилось тождественным, и так как они совершенно правильно с точки зрения психиатрии изобразили галлюцинации, то это указывает, что оба они были удивительно наблюдательными писателями, а выше этой похвалы, когда кого назовут хорошим наблюдателем, по мнению *Флобера*, ничего не может быть.

Самым интересным, однако, по крайней мере для меня, является вопрос, почему такие интеллигентные люди, как Аратов и Коврин, могли поверить своим видениям. Казалось бы так просто, смотря со стороны, разрешить эти загадки и твердо сказать самому себе: «да, это ведь, все мне кажется, это мое воображение, не поверю я галлюцинации, не поддамся ей, не сойду с ума».

В действительности не поддался же *Гете* своему серому двойнику и не сошел с ума; но что под силу титану мысли, с тем не может справиться обыкновенный ум, и причину этой слабости, мне кажется, надо искать в заболевании мозга, которое в таких случаях напоминает сноподобное состояние. Ведь, во сне мы верим самым невероятным вещам, которые в бодрственном состоянии поразили бы нас своей нелепостью. Поняв состояние мозга во сне, мы пойдем веру в галлюцинацию. Что же происходит во сне? Чем сон отличается от нормального состояния? А вот чем: во сне сознание сужено, вследствие нарушения ассоциативной деятельности. Во сне остается обычно только одна дорога, по которой и движется человек, как бы позабыв все остальное, и потому никто не удивляется и не поражается, сознание его сужено. Он может думать и чувствовать только в одном направлении. Взрослый может забыть, что он женаг, что у него есть дети, что он занимает известную должность и т. д., а может очутиться в совершенно невероятном положении, соответственно которому и чувствовать себя. Сужение сознания достигает различной степени в зависимости от того, какая область находится в действии, и только, разбудив человека и заставив работать все области мозга, мы возвращаем его в нормальное состояние.

Теперь представьте себе такой случай: во сне у человека отсутствуют какие-либо образы, кроме одного, ну, хотя бы образа моря, тогда ему будет казаться, что он видит море, ибо никакой другой образ не будет ему напоминать о чем либо другом; во сне так и бывает: появившийся образ моря уже тем самым становится морем, что человек видит море..

Так и при галлюцинации: появившийся образ становится действительностью. Аратов видит Клару, он бросается к ней, целует ее, чувствует ее горячие губы и т. д., для него это действительность: образ стал плотью, телом. Да, ведь, не так далеко уже от воображения до действительности: посмотрите на детей, как они при играх входят в свою роль и считают свое воображение действительностью, как и хорошие артисты, плачущие иногда натуральными слезами, или писатель *Флобер*, который в романе «*м-ме Бовари*», при описании отравления героини мышьяком, чувствовал у себя на языке металлический вкус мышьяка, его рвало и он испытывал тяжесть в желудке, как бы отравленный. А разве же мы, нормальные люди, не галлюцинируем всю свою жизнь, принимая свои идеи за действительность? Ведь, вся окружающая нас действительность есть наша идея, и если бы мы проникли в тот процесс, который совершается при нашем ежедневном творчестве мира, что мы, выражаясь языком Беркли, созерцаем лишь наши собственные идеи, то нас несколько не удивило бы состояние галлюцинанта, который свой образ, свою идею принимает за действительность. Но к нашему счастью, а может быть и несчастью, как хотите, мы этого не сознаем, не сознаем тех мистерий природы и духа, результатом которых является действительность, и только во сне это случается с нами, мы нашу мысль принимаем за действительность. Во сне наш дух возвращается как бы в свои недра, в свое первобытное состояние. Еще низшая ступень духа—сон без сновидений, будет состоянием спящей монады, как выражался *Лейбниц*. Но происходит ли нам жалеть, что дух наш, вследствие своего развития вышел из того состояния, когда он был Богом и творил мир, не сознавая того, а в силу своих творческих свойств, а теперь достиг высшей степени, когда сознание его настолько прояснилось, что мир, созданный им, он считает ничтожеством, как свое собственное произведение, а стремится уже познать самого себя. Идея в завершении своем, как сказал Гегель, в своем диалектическом развитии возвращается к самой себе, пережив известные фазы или периоды своего развития. В феноменологии сознания дух достигает самосознания и является, как сознающий себя дух, как истина.

В этом открытии своих собственных свойств или атрибутов, из которых нам, по мнению *Спинозы*, известны только два: мышление и протяжение, и заключается, по моему мнению, философская задача нашего времени. Человеческий дух еще не закончил своего развития, хотя и вышел из сновидных грез своего первобытного состояния, когда он не мог различать себя самого от своего творчества.

Сновидения и галлюцинации, как вы изволили слышать, представляют весьма поучительные факты для характеристики того духа, который *Спиноза* назвал субстанцией, *Лейбниц*

монадой, а Гегель абсолютным духом. Психологический анализ литературных произведений наших корифеев, как напр., Тургенев, Чехов, в особенности Достоевский, и др., кроме чисто эстетического наслаждения, доставляемого чтением, может натолкнуть вас на открытие таких свойств человеческого духа, на какие не укажет вам ни один учебник психиатрии, это потому, что в произведении поэта и писателя *выступает творчество* самого духа, и надо уметь только открыть его, ибо оно часто совершается интуитивно, исторгая тайну природы или духа, о которой не подозревает даже сам автор поэтического произведения.

Наша задача заключается в том, чтобы открыть эти тайны и насладиться ими, так же как мог бы насладиться Аратов, если бы он открыл тайну такой прелестной девушки, как Клара Милич, ему не пришлось бы сходить с ума.

Эвроэндокринология великих русских писателей и поэтов¹⁾

Д-ра И. Б. Галант (Москва).

4. Ф. М. Достоевский.

Федор Михайлович Достоевский, как известно всякому более или менее интересовавшемуся жизнью этого единственного в своем роде гениального писателя психологических (собственно, психопатологических) романов, страдал эпилептическими припадками, начавшимися у него во время каторги и не оставлявшими его до конца жизни. Не надо думать, что каторга была причиной развития эпилепсии у Достоевского, хотя она началась у него на каторге. По рассказу самого Достоевского, каторга повлияла на него «ободоряще и освежающе», и все те тяжелые нервные расстройства, которыми он страдал до каторги, исчезли непонятным образом совершенно, не оставив ни следа, как только он одел кандалы... Но—тут-то развилась, как будто бы при полном психическом равновесии и без видимых экзогенных воздействий, эпилепсия! Достоевский повествует об этом следующим образом:

„Мои нервы расстроены с юности“. «Еще за 2 года до Сибири, во время разных моих литературных неприятностей и ссор, у меня открылась какая-то страшная и невыносимо мучительная нервная болезнь. Рассказать я не могу об этих отвратительных ощущениях, но живо их помню: мне часто казалось, что я умираю, ну, вот, право, настоящая смерть приходила и потом уходила. Я боялся также летаргического сна. И странно—как только я был арестован,—вдруг вся эта отвратительная болезнь прошла. Ни в пути, ни в каторге, в Сибири и никогда потом я ее не испытывал—я вдруг стал бодр, крепок, свеж, спокоен... Но, во время каторги со мной случился первый припадок падучей—с тех пор она меня не покидает. Все, что было со мной до этого первого припадка, каждый малейший случай из моей жизни, каждое лицо, мною встречаемое, все, что я читал, слышал,—я помню до мельчайших подробностей. Все, что началось после первого припадка,

¹⁾ Первые три главы «Эвроэндокринологии великих русских писателей и поэтов» напечатаны в 1-м выпуске III тома «Архива Гениальности и даренности» 1927 г.

я очень часто забываю, иногда забываю совсем людей, которых знал совсем хорошо, забываю лица. Забыл все, что написал после каторги. Когда дописывал «Бесы», то должен был перечитать все сначала, потому что перезабыл даже имена действующих лиц»¹).

Если принять во внимание исключительно тяжелую наследственность Достоевского (см. генеалогическую таблицу) то никого не может удивить ни его психоневроз ни последовавшая ему, как бы ничего общего с ним не имеющая, эпилепсия, по описанию самого Достоевского довольно тяжелая. Отец Достоевского был запойный пьяница, а у особенно тяжелых алкоголиков, к числу которых и принадлежал Достоевский отец, в потомстве очень часто, помимо наследственного алкоголизма, бывает и эпилепсия. А чего только в потомстве Достоевских не было! Тут и хронический алкоголизм, душевные болезни, идиотия, прогрессивный паралич, эпилепсия и т. д. Тем не менее следует принять во внимание, что Федор Михайлович—единственный случай эпилепсии среди Достоевских, и что Федор Михайлович гениальный писатель. Если нельзя не допустить, что эпилепсия Федора Михайловича стоит в связи с отягчающей наследственностью, то, с другой стороны, надо помнить, что сравнительно часто встречающаяся у гениальных людей эпилепсия не есть обыкновенная genuинная эпилепсия уже по одному тому, что genuинная эпилепсия ведет неизменно к слабоумию, эпилепсия же гениальных личностей никак не сказывается пагубной ни для их творчества, ни для их интеллекта. Итак, если мы и допустим, что эпилепсия Достоевского есть *гередогенная эпилепсия* и связана с алкоголизмом отца, то все еще следует осветить эпилепсию Достоевского *эвропатологически*, т. е. как эпилепсию гениальной личности, имеющую свои специфические особенности, а это лучше всего удастся нам *эвроэндокринологически*, тем более, что вообще, то связывают последнее время проблему эпилепсии с вопросами эндокринологии.

Сегалин определяет эпилепсию Достоевского, как аффект-эпилепсию (Bratz) и склонен думать, что эпилепсия гениальных личностей есть вообще аффект-эпилепсия, хотя и допускает исключения из этого правила, определяя открытую им у Льва Толстого эпилепсию, как истеро-эпилепсию²). (I. с.) *Сегалин* допускает даже существование особой аффект-эпилептической конституции и находит, что из всех форм эпилептических конституций (в смысле Kleist'a) наиболее благоприятной для разряда гениальной одаренности будет аффект-эпилептическая конституция.

¹ Воспоминания В. С. Соловьева. Цит. по Сегалину: «Эвропатология гениальных эпилептиков». Арх. Ген. и Одар. т. II, вып. 4, стр. 143—187.

² Впрочем аффект-эпилепсия в описании *Крепелина* есть всегда своего рода «истеро-эпилепсия», где эпилептический момент превалирует над истерическим.

Характерным или основным моментом, определяющим аффект-эпилепсию, как таковую, это помимо того, что эта эпилепсия не имеет своим исходом слабоумие, но что отдельные припадки вызываются в состоянии измененного, большею частью бурного аффекта.

«У Наполеона свидетельствует Талейран появление припадка, когда он выбежал из комнаты Жозефины *гневный*, схватив Талейрана, в соседнюю комнату, где и упал в конвульсиях с пеной у рта.

О Чайковском говорит его биограф, что обычно припадки (или эквиваленты этих припадков), совпадали с тягостными событиями и испытаниями, порой, чисто житейского характера (Игорь Глебов).

У Байрона приступы также вызываются нравственными потрясениями. Так, напр., когда был решен и объявлен поход одной части отряда в Лепанто для взятия этой крепости (во время его участия в греческом восстании), телохранители Байрона и надежнейшие его воины-сулиоты отказались идти против каменных стен. На Байрона это обстоятельство так повлияло, что вызвало у него сильнейший припадок. Этот припадок, по его словам, был сильнейшим во всю его жизнь. Вообще этот период неудач вызвал у него учащение припадков.

Платен описывает свой припадок после того, как пережил повышенную раздражительность при одном споре с приятелями. Точно так же у Эдгарда Поэ, Флобера, Берлиоза припадки связывались с теми или иными аффективными переживаниями. Что касается специально Достоевского, то и у него припадки чаще всего наступали после волнений, аффектов и в состояниях экстаза или близких к экстазу.

«Страхов в своих воспоминаниях дает описание эпилептического припадка, который он наблюдал в 1856 г. приблизительно, причем, он говорит, что предчувствие припадка у него всегда было. Поздно вечером, часов в 11, Достоевский пришел к Страхову и оживленно беседовал с ним. Разговор касался отвлеченной темы, и Достоевский вскоре впал в экстаз и стал ходить взад-вперед. Страхов сидел за столом. Когда последний в репликах с ним соглашался, Достоевский обращался к нему лицом, причем на лице было выражение высшей степени экзальтированного возбуждения. На момент он останавливается, как будто он хочет найти недостающее ему слово, и вот он открывает рот. «Я наблюдаю за ним с напряженным вниманием, так как чувствую, что он скажет что-нибудь необычайное, какое-либо откровение.

...«Вдруг из его открытого рта вышел странный, протяжный и бессмысленный звук, и он без чувств опустился на пол среди комнаты»... «Вследствие судорог все тело только вытягивалось, да на углах губ показалась пена». «Припадки иногда имели последствием ушибы от падения, боль мускулатуры, красноту лица, иногда выступали пятна на лице. После припадка

он чувствовал себя всегда 2-3 дня разбитым, вялым, мысли не вязались, голова не работала, терял память. Душевное состояние его было очень тяжелое, он едва справлялся со своей тоской и впечатлительностью. Характер этой тоски, по его словам (Достоевского), состоял в том, что он чувствовал себя каким-то преступником, ему казалось, что над ним тяготеет неведомая вина, великое злодейство.» (Воспоминания Страхова цит. по Сегалину 1. с.).

В воспоминаниях Милюкова мы находим описание сумеречного состояния у Достоевского. Достоевский, будто, на улице, при встрече с ним знакомых обходил, при встрече в обществе не отвечал на поклоны, а иногда относительно людей, ему очень хорошо знакомых, справлялся, кто это такие. Милюков считает, что эти все случаи должны быть истолкованы не как следствие гордости и самомнения, а как следствие его болезни и в большинстве случаев непосредственно после припадка.

Соловьев описывает состояние Достоевского после припадка. «Но он бывал иногда совершенно невозможным после припадка. Его нервы оказывались до того потрясенными, что он делался совсем неменяемым в своей раздражительности и странностях. Придет он, бывало, ко мне, войдет, как черная туча, иногда даже забудет поздороваться и, изыскивая всякие предлоги, чтоб побраниться, чтоб обидеть, и во всем видеть себе обиду, желание дразнить и раздражать его... Все-то ему кажется не на месте и совсем не так, как нужно, то слишком светло в комнате, то так темно, что ни кого разглядеть не возможно... Подадут ему крепкий чай, какой он всегда любил—ему подают пиво вместо чая; нальют слабый—это горячая вода... Пробуем мы шутить, рассмешить его, еще того хуже: ему кажется, что над ним смеются. Впрочем, мне почти всегда удавалось его успокоить, нужно было исподволь навести его на какую-нибудь из любимых тем. Он мало-по-малу начинал говорить, оживляться, и ост валось только ему не противоречить. Через час—и он уже бывал в самом милом настроении духа. Только страшно бледное лицо, сверкающие глаза и тяжелое дыхание указывали на болезненное состояние его. Но если, случайно, в подобный день он встречался с посторонними незнакомыми людьми, то дело осложнялось».

«В сношениях с живыми людьми болезненное состояние Достоевского часто сказывалось безмерной раздражительностью, почти невероятными и непонятными вспышками. Изможденное лицо, лицо сидевшего в тюрьме... фанатика сектанта, искажалось злобой и приводило в недоумение до испуга, когда он, буквально, накидывался на людей».

Такова эпилепсия Достоевского в описании его современников. Говорится в этих описаниях не только об эпилептических припадках, но и о ясно выраженном эпилептическом характере Достоевского, находившем свое выражение во всех мелочах повседневной жизни великого художника.

Теперь перейдем к рассмотрению аффект-эпилепсии с точки зрения эвро-эндокринологии.

Надо однако заметить, что аффект эпилепсия, если понимать под ней эпилепсию, припадки которой связаны с аффективными возбуждениями и состояниями экстаза далеко не всегда легко отграничивается от гениальной эпилепсии. При гениальной эпилепсии мы сплошь да рядом видим, что припадки совпадают с аффективными возбуждениями, волнениями и т. д. Кроме того, у гениальных эпилептиков есть сильное стремление к творчеству и даже у гениальных эпилептиков, находящихся в исходной стадии слабоумия, наблюдаются состояния настоящего вдохновения и экстаза, когда эти слабоумные эпилептики продуцируют длинные, правда, бессмысленные на первый взгляд, душевные излияния, в которых отражается душевная жизнь автора. В моей монографии: «Неологизмы больных»¹⁾. Я привожу несколько случаев дементных эпилептиков-стихоплетов, которые, несмотря на свое слабоумие, переживали еще сумеречные состояния с экстазом и «вдохновением», причем продукты этого вдохновения легко слагались в рифмованные вирши! Итак, творчество, хотя и патологическое, свойственно и гениальной эпилепсии (я подчеркиваю еще раз: большой процент гениальных эпилептиков занимается различными формами творчества, «поэзией» не в последнюю линию), как свойственны ей и припадки в состоянии аффекта.

Таким образом, с этой стороны (со стороны аффекта и творчества) строгого разграничения между гениальной эпилепсией и аффект эпилепсией быть не может и остается лишь довольствоваться различиями в исходе заболевания (дементность при гениальной эпилепсии и отсутствие таковой при аффект-эпилепсии), а также и тем, что при гениальной эпилепсии припадки бывают и вне состояния аффекта, в то время как при аффект-эпилепсии исключительно в состояниях патологического аффекта. Тем не менее мне кажется, что если действительно верно наблюдение *Крепелина*, что при аффект-эпилепсии имеется сильный истерический компонент, активизирующий, так сказать, эпилепсию, вызывая истерозэпилептические припадки, то целесообразней было бы говорить просто об истерозэпилепсии, а не об «аффект-эпилепсии», т. к. это последнее обозначение легко вводит в заблуждение и плохо характеризует картину заболевания. Первый шаг по этому пути сделан *Сегалиным*, т. к. обозначает он эпилепсию Льва Толстого истерозэпилепсией, все же он стоит в общем и целом на платформе «аффектэпилепсии» будучи того убеждения, что гениальные эпилептики «аффектэпилептики» и что аффектэпилептическая конституция благоприятна для разряда гениальной одаренности.

¹⁾ Galant, Die Neologismen der Geisteskrankheiten. Eine psychopathologische Forschung. „Archiv fuer Psychiatrie und Nervenkrankheiten. Bd. 61.“

С точки зрения эндокринологической мы склонны разграничить эпилепсию гениальных от генуинной эпилепсии, обозначая эпилепсию первых *гипофизарной эпилепсией* и указывая, таким образом, на эндокринное происхождение эпилепсии гениальных людей.

На гипофизорную эпилепсию, т. е. на эпилепсию, связанную этиологически так или иначе с особенностями питуитарной железы было уже указано авторами неоднократно. Особенно были склонны некоторые авторы связать мигрень и эпилептоидные явления, связанные с различными расстройствами глаз с гипофизом, соображая, что увеличенная питуитарная железа (опухоль!) оказывает между прочим давление на двигательные нервы глаза, лежащие ближе всего к питуитарной железе. Указывали также на различные другие эндокринные расстройства, способные вызвать или по крайней мере способствовать развитию эпилепсии; так, у женщин очень часто эпилептические припадки учащаются во время менструаций или же устанавливаются исключительно в период менструации, когда, как известно, эндокринное равновесие в организме женщины нарушено.

У гениальных людей, которые в огромном большинстве случаев являются больше всего питуито-цетрическими личностями, вся эндокринная жизнь концентрируется так сказать около этой железы в том смысле, что питуитарная железа должна компенсировать благодаря своей гиперфункции недостаточность других эндокринных желез или же вследствие перенапряжения нуждается сама в компенсаторной корреляции других желез и т. д. Во всяком случае у гениальных людей питуитарная железа находится в весьма лабильном состоянии и тут возможны всякие неожиданные колебания в ту или другую сторону. Кровообращение в питуитарной железе тоже находится в весьма живом переменчивом состоянии, принимая во внимание что высшая эмоциональная жизнь концентрирована в задней доле гипофиза, прилив крови к питуитарной железе, особенно при интенсивных эмоциональных переживаниях, бывает очень большой и у гениальных людей гипофиз находится в гиперемичном состоянии и набухает, принимал необычные размеры.

Гипофиз гениальных людей, как мы видим, способен принимать размеры, которые при недостаточной вместимости турецкого седла, должны привести к явлениям давления на гипофиз и гипофиза на близь лежащие части. Что при такого рода давлении получают головные боли (мигрень), расстройства со стороны глаз и эпилептические припадки—дело ясное.

Так как проявление сильных аффектов сопровождается сильным приливом крови к тому органу, где эмоциональная жизнь имеет свой регулирующий центр, то понятно, что гипофиз у гениальных людей с особенно богатой аффективной жизнью подвержен усиленной гиперемии со всеми вытекающими отсюда следствиями вплоть до гипофизорной эпилепсии при несоответствии размеров гипофиза и турецкого седла, а

иногда может быть и без такого несоответствия в силу результирующих от повышенного кровяного давления в гипофизе инкреторных пертурбаций в самом гипофизе и в общей эндокринной корреляции.

Эпилепсия Достоевского относится безусловно к разряду гипофизарных эпилепсий несмотря на то, что она принадлежит к более тяжелым формам эпилепсии, ибо помимо эпилептических припадков, сумеречных состояний и постэпилептических тяжелых состояний, характер Достоевского имел много эпилептических черт и должен быть отнесен в целом к группе эпилептических характеров. Тут высказалась тяжелая наследственность Достоевского, его в общем и целом психопатическая конституция, которая с появлением эпилептических припадков сделала легко уклон в сторону эпилепсии и всецело обэпилептизировалась.

Нигде может быть психопатия Достоевского не нашла себе такого выражения как в области психосексуальных переживаний. Правда, мы имеем мало данных о сексуальной жизни Достоевского. Однако, есть основание думать, что сексуальная и психосексуальная жизнь героев романов Достоевского до известной степени отражает самую сущность сексуальности и самого Достоевского. «Любовь-страдание», как обозначает удачно *Вересаев* любовную жизнь героев романов Достоевского, до того гармонирует со всей психопатически-страдальческой сущностью Достоевского, что нельзя не считать любовь-страдание частью психопатии самого Достоевского. Любовь-страдание самая сущность Достоевщины и Достоевского и нам необходимо с ней познакомиться хотя бы так, как это возможно по главе «Любовь-страдание» в книге *Вересаева*: «Живая Жизнь»¹⁾.

«Из темных углов, из «смердных переулков» приходят женщины, — грозные и несчастные, с издерганными душами, обольстительные, как горячие сновидения юноши. Страстно, как в сновидении, тянутся к ним издерганные мужчины и начинаются болезненные, кошмарные конвульсии, которые у Достоевского называются любовью.

Глубокое от'единение, глубокая вражда лежит между мужчиной и женщиною. В душах любовь к мучительству и к мученичеству²⁾, жажда власти и жажда унижения, — все, кроме способности к слиянному общению с жизнью. Душа как будто бы заклета злым колдуном. Горячо и нежно загораются в ней светлые огоньки любви, — но наружу они вскрываются лишь темными взрывами иступленной ненависти. Высшее счастье любви — это мучить и терзать любимое существо».

«Любовь, пишет подпольный человек, — любовь то и заключается в добровольно дарованном от любимого предмета праве над ним тиранствовать».

1) В. Вересаев. «Живая жизнь». Часть первая. О Достоевском и Льве Толстом. Изд. третье. Москва. «Книгоиздательство писателей». 1922 г.

2) Любовь-страдание = алголагния; любовь к мучительству = садизм; любовь к мученичеству = мазохизм. Примечание автора статьи — Галант

В «Униженных и оскорбленных» Наташа «инстинктивно чувствовала, что будет госпожой князя, владычицей, что он будет даже жертвой и она предвкушала наслаждение любить без памяти и мучить до боли того, кого любишь, именно за то, что любишь, и потому-то, может-быть, и поспешила отдаться ему в жертву первая».

Если у Достоевского мужчина ненавидит женщину или женщина мужчину, то читатель должен заключить, что они любят. И чем жесточе ненависть, тем это несомненное.

— «Но какая же ненависть! Какая ненависть! — восклицает подросток про Версилова — и за что, за что? К женщине! Что она ему такое сделала?»

— «Не-на-висть!» — с яростной насмешкой передразнила меня Татьяна Павловна.

Ненависть — любовь, любовь — ненависть...

«Неужели он ее любит до такой степени? — думает подросток. — Или до такой степени ее ненавидит? Я не знаю, а знает ли он сам-то?»

Князь Мышкин говорит Рогожину: «Гвою любовь от злости не отличишь». И Маврикий Николаевич говорит Ставрогину про Лизу: «Из-под непрерывной к вам ненависти, искренней и самой полной, каждое мгновение сверкает самая искренняя и безмерная любовь и — безумие! Напротив, из-за любви, которую она ко мне чувствует, тоже искренно, каждое мгновение сверкает ненависть — самая великая!»

В «Египетских ночах» Пушкина Клеопатра вызывает желающих купить ее любовь ценою казни на следующее утро. Достоевский по этому поводу вспоминает о «сладострастии насекомых, сладострастии пауковой самки, с'едающей своего самца». О «сладострастии насекомых» нередко вспоминает он и по поводу любви собственных своих героев.

Если припустить к куриной семье новую курицу, петух немедленно берет ее под свое покровительство. Он заботливо подзывает ее к пище, не дает обижать другим курам. Если она убежит, он отыскивает ее и ведет назад, и нежно что то говорит ей на их языке: «ко-о!.. ко-о!..» Удивительно и трогательно, до чего доходит эта заботливость. На ночь петух сажает новую свою подругу на самый край на шести, сам садится рядом и таким образом заслоняет ее от клевков старых кур. Когда курице приходит время нестись, петух ведет ее к кошелке, где несутся куры, впрыгивает в кошелку, садится, опять выходит, обхаживает курицу, все время — «ко-о!» и водворяет ее в кошелку.

Но в низах животной жизни любовь часто уродлива и страшна. У жаб и лягушек самка вываливается из жестоко-страстных объятий самца с продырявленной грудною клеткою, с поврежденными внутренностями, нередко мертвою. Паук подползает к самке с ласками, а она бросается на него и пожи-

рает; или подпустит к себе, отдается его об'ятиям, а потом схватит и сожрет.

Жабы и паучихи навряд ли, конечно, испытывают при этом какое-нибудь особенное сладострастие. Тут просто тупость жизнеощущения, неспособность выйти за пределы собственного существа. Но если инстинкты этих уродов животной жизни сидят в человеке, если чудовищные противоречия этой любви освещены сознанием, то получается то едкое, опьяняющее сладострастие, которым живет любовь Достоевского.

Страсть сливается не с тупым равнодушием к мукам и гибели любимого существа, а с ненавистью к любимому, с *желанием* его мук и гибели.

«Я вас истреблю!»—говорит Версиллов Екатерине Николаевне. Князь Мышкин, только что познакомившись с Рогожиным, из одного лишь общего впечатления от него выносит уверенность, что, если он женится на любимой женщине, то через неделю зарежет ее.

Чем несоединимее люди, чем глубже раз'единение, чем чудовищнее противоречия, тем как раз страсть ярче и острее. Свидригайлов рассказывает Раскольникову про свою невесту:

— «Мне пятьдесят, а ей и шестнадцати нет... Ведь заманчиво, а? Ведь заманчиво, ха-ха!... Посадил ее вчера на колени, да, должно быть, уж очень бесцеремонно,—вся вспыхнулаа и слезинки брызнули, сама вся горит. Вдруг бросается мне на шею, целует и клянется, что она будет мне верною и доброю женою, что всем, всем пожертвует, а за все это желает иметь от меня только «одно мое уважение»... Согласитесь сами, что выслушать подобное признание наедине от такого шестнадцатилетнего ангельчика, в тюлевом платье, с краскою девичьего стыда и со слезинками энтузиазма в глазах,—согласитесь сами, оно довольно заманчиво! Ведь заманчиво? Ведь стоит чего-нибудь, а? Ну, ведь стоит? Ну... ну, слушайте,.. ну, поедемте к моей невесте...

— Одним словом, в вас эта чудовищная разница лет и развитий и возбуждает сладострастие! И неужели вы в самом деле так женитесь?

— А что же? Непременно.

Шатов в исступлении кричит Ставрогину:

— «Знаете ли, почему вы женились тогда так позорно и подло? Именно потому, что тут позор и бессмыслица доходили до гениальности. Вы женились по страсти к мучительству, по *сладострастию нравственному*. Вызов здравому смыслу был уж слишком прельстителен: Ставрогин—и плюгавая, скудоумная, нищая хромоножка!».

Федор Павлович Карамазов умеет находить прелесть в любой «мовешке и всельфильке». Нашел он прелесть и в нищей идиотке Лизавете Смердящей.

Любовь упомянутых низших животных, при всей их дисгармоничности, все-таки дает впечатление сиы и какой-то дикой

мощи. Глядя на кипящую любовь героев Достоевского, невольно тоже ждешь: вот палящим огнем вспыхнет их сладострастие,— зверино-жестокое, страшное, но цельное и самозабвенное, где отпадают все нравственные мерки, где страсть освящает само зверство. Но нет этого. Дух как будто совсем отторван от тела. Тело холодно, немощно и равнодушно, а горит один дух. В духе происходит кипение страсти, в духе переживаются острейшие моменты сладострастия.

Подросток «терпеть не может женщин». Осуществляя в фантазии свою идею о власти над людьми посредством денег, он мечтает:

«Не я буду гоняться за женщинами, а они набегут, как вода, предлагая мне все, что может предложить женщина. Я буду ласков с ними и, может быть, дам им денег, *но сам от них ничего не возьму*. Они уйдут ни с чем, уверяю вас,—только разве с подарками. Я только вдвое стану для них любопытнее.

... с меня довольно
Сего сознанья».

Дмитрий Карамазов предлагает Катерине Ивановне нужные ей деньги под условием, чтобы она «секретно» пришла к нему на квартиру. Для нее это единственное средство спасти отца, и надменная красавица приходит.

— «Вдруг за сердце, слышу, укусила фаланга, злое-то насекомое, понимаешь? Осмерил я ее глазом. От меня, клопа и подлеца, она вся зависит, вся, вся кругом, и с душой, и с телом. Очерчена. Эта мысль, мысль фаланги, до такой степени захватила мне сердце, что оно чуть не истекло от одного томленья... Взглянул я на девицу, и захотелось мне подлейшую, порсячью, купеческую штучку выкинуть: поглядеть это на нее с насмешкой и тут же и огорошить ее с интонацией, с какою только купчик умеет сказать:

— Это четыре-то тысячи на такое легкомыслие кидать! Да я пошутил-с, что вы это? Сотенки две я, пожалуй, с моим даже удовольствием».

Конечно, Катерина Ивановна, в таком случае ушла бы. Но какой же бы зато сладострастный миг был пережит *в духе!* Что в сравнении с ним сладость насильственного телесного обладания красавицей!

Усилием воли Дмитрий побеждает порыв своего «нравственного сладострастия» и благородно отдает Катерине Ивановне деньги, ничего от нее не требуя. Пораженная Катерина Ивановна кланяется в ноги и уходит.

Сам Дмитрий в восторге от своего поступка. Но что вызвало этот поступок? Только ли «искра божия», вспыхнувшая в разнузданном хаме? Или, рядом с нею, тут было еще то утонченное нравственное сладострастие, которого здоровой крови даже и не понять? «Вся от меня зависит, вся, вся кругом, и с душой, и с телом. Очерчена». А он, как подросток в своих

сладострастных мечтах: «Они набегут, как вода, предлагая мне все, что может пред ожить женщина. Но я от них ничего не возьму. С меня довольно сего сознания».

И Катерина Ивановна, повидимому, поняла, какие тайные наслажденья дала сна пережить Дмитрию своим посещением. «И самая первая встреча их осталась у ней на сердце, *как оскорбление*»,—сообщает Иван. И сам Дмитрий впоследствии говорит про Катерину Ивановну:

— «Благороднейшая душа, но меня ненавидевшая давно уже, о, давно, давно... и заслуженно, «заслуженно ненавидевшая!... Давно с самого первого раза, с самого того у меня на квартире еще там...»

Конечно, ненависть эта нисколько не мешает Катерине Ивановне любить Дмитрия. Но иначе она и не была бы женщиной Достоевского. Даже если бы Дмитрий опозорил ее на своей квартире, и это бы не помешало ей любить его. Другая Катерина, в повести «Хозяйка» говорит:

— «То мне горько и рвет мне сердце, что я р-быня его опозоренная, что позор и стыд мой самой, бесстыдной, мне люб, что любо жадному сердцу и вспоминать свое горе, словно радость и счастье,—в том мое горе, что нет силы в нем и нет гнева за обиду свою».

Раздражающая от'единенность духа от тела, хилость связи между ними делает героев Достоевского совершенно неспособными к яркой, цельной страсти. Что произошло между Ставрогиним и Лизою в Скворешниках в ночь пожара? У нее утром—«непл тно застегнутая грудь», видно, что она раздевалась. Но случилось что-то загадочное, Ставрогин сконфужен, и странен их разговор. Шут-Верховенский говорит:

— «Представьте, я, ведь, тотчас же, как вы вышли ко мне, по лицу догадался, что у Вас «несчастье»! Даже, может быть, полная неудача, а? Ну, бьюсь же об заклад, что вы всю ночь просидели в зале рядышком на стульях и о каком-нибудь вы сочайшем благородстве prospорили все драгоценное время!»

И, однако, если что, то лишь «нравственное сладострастие» и мучительство способно «горячим угольком» зажечь кровь. А нет этого горячего уголька,—кровь холодна, тело спит, как мертвое. Любовь возможна, но любовь бестелесная, та, которую наши хлысты-богомолы называют «сухою любовью». Либо жесткое сладострастие, либо сухая любовь.

Раскольников любит Сою Мармеладову. Но как-то странно даже представить себе, что любовь мужчины к женщине. Становишься как-будто бы двенадцатилетнею девочкою и начинаешь думать, что вся суть любви только в том, что мужчина и женщина *скажут* друг другу: «я люблю тебя». Даже подозрения нет о той светлой силе, которая ведет любящих к те есному слиянию друг с другом и через это телесное слияние таинственно углубляет и уярчает слияние душевное.

Князь Мышкин любит Настасью Филипповну, любит Аглаю, собирается жениться то на той, то на другой. И однако...

— «Я ведь... Вы, может быть не знаете, я ведь по природенной болезни моей, даже совсем женщин не знаю».

И он бросается от одной к другой.

— «Я так только, просто женюсь; да и что в том, что я женюсь... Аглая Ивановна поймет».

— «Нет, князь, не поймет,—возражает Евгений Павлович— Аглая Ивановна любила, как женщина, как человек, а не как отвлеченный дух».

Но вот Рогожин. Казалось бы, уж его то страсть к Настасье Филипповне—чисто звериная. Тяжелая, плоская, безудержная. Даже ответной любви ему не надо: он готов купить ее за деньги. Страсть стихийно-грозная и страшная. С самого начала все чувствуют, что она пахнет кровью. Однако, пахнет она—только кровью. Каждую минуту Рогожин может забыться духом и зарезать Настасью Филипповну; но никогда он не забудится телом и не овладеет ею. В этом отношении и сама Настасья Филипповна нисколько не боится его, спокойно оставляет у себя ночевать. На вид плотски-звериная, страсть Рогожина в действительности упадочно-бесплотна. И в страшную последнюю ночь, когда Настасья Филипповна осталась ночевать у Рогожина, удары ножа в теплое, полуобнаженное тело, повидимому, с избытком заменили ему об'ятия и ласки.

Да и сама вакханка Настасья Филипповна, другая вакханка Грушенька,—полно, вправду ли они женщины? Не обольстительные ли это призраки, лишенные плоти и крови? Опьяненно крутятся в вихре поднятых ими страстей, иступленно упиваясь своими и чужими муками, оне испуганно ускользают из устремленных об'ятий, и жадные руки хватают только воздух. Способны ли оне опьяниться страстью, хоть на миг забыться в цельном, самозабвенном экстазе? В горячих об'ятиях Дмитрия, сама, как будто опьяненная, Грушенька все же шепчет ему: «подожди, потом»... И если бы в эту ночь Дмитрия не арестовали,—конечно, на завтра призрак—Грушенька опять начала бы с ним свою дразнящую, мучительную игру. И иначе не могло бы быть. Тут мы подходим к самому страшному и темному, что есть в страшной и темной любви людей Достоевского.

Что бы, действительно, было, если бы на Дмитрия не пало подозрение в отцеубийстве, и он соединился бы с Грушенькой? Что бы было?... Не надо и ответа. От одного лишь вопроса оргийно-мятущееся, грозное море превращается в плоское, отвратительное болото.

Подпольный человек пишет: «В мечтах своих подпольных я иначе и не представлял себе любви, как борьбою, начинал ее всегда с ненавистью и кончал нравственным покорением, а потом уж представить не мог, что делать с покоренным предметом».

И правда. Ну, что, напр., делать потом Дмитрию Карамазову с Грушенькой, Ставрогину с Лизой, Рогожину—с Настасьей Филипповной? Если не откроется выхода в безумие, в самоубийство или убийство, то остается только один выход—пошлость. Рогожин зарезал Настасью Филипповну. А если бы они соединились? Через пять лет она—противная, истеричная баба, без красоты, освещавшей ее изломанность. Он... Да нет, он все равно бы раньше ее зарезал, а женился бы на другой. Женился бы и,—как предсказывает князь Мышкин,—«засел бы молча один в этом доме с женой, послушною и бессловесною, с редким и строгим словом, только деньги молча и сумрачно наживая... да на мешках своих с голоду бы и помер».

— «Друг мой,—сказал Версиков грустно,—я часто говорил Софье Андреевне в начале соединения нашего, впрочем, и в начале, и в середине, и в конце: «Милая, я тебя мучаю и замучаю, и мне не жалко, пока ты передо мною; а ведь умри ты, и я знаю, что уморю себя казнью».

Лиза говорит Ставрогину: «Мне всегда казалось, что вы заведете меня в какое-нибудь место, где живет огромный злой паук в человеческий рост, и мы там всю жизнь будем на него глядеть и его бояться. В том и пройдет наша взаимная любовь».

И с обычною своею безбоязненностью перед настоящим словом, рисует Дмитрий Карамазов будущую свою жизнь с Грушенькою:

— «Драться будем!».

Нет, лучше назад, к прежним страданиям и мукам! Может быть, их было слишком мало. Еще увеличить их, еще углубить,—не явится ли хоть тогда возможность жизни?

— «Надо как-нибудь выстрадать вновь наше будущее счастье,—говорит Наташа Ихменева,—купить его какими-нибудь новыми муками. Страданием все очищается».

Трудно поверить, что Достоевский, рисуемый с такою психологическою тонкостью и до мельчайших подробностей ужасы упадочно-бесплотной любви, жестокое сладострастие, любовь к мучительству и мученичеству и «нравственное сладострастие», сладострастное убийство и т. д., что Достоевский, рисуемый эти и *только* эти формы любви, не переживал сам описываемое им «нравственное сладострастие», «не забывался сам *духом*» и не удовлетворял таким образом свою извращенную сексуальность. Достоевский в своих произведениях является слишком *реалистом*, чтобы с ним этого не случилось. *Флобер*, описывая, как madame Bovary отравила себя мышьяком, чувствовал себя сам отравленным мышьяком, его вырывало, он чувствовал боль в желудке и т. д. А, ведь, Достоевский и Флобер черезчур родственные гениальные натуры (оба гениальные художники слова и оба эпилептики), чтобы не допускать мысли, что с Достоевским при творчестве не случались

такого рода переживания, как с Флобером, и наше подозрение, что упадочно-бесплотная любовь, рисуемая Достоевским, есть любовь не только героев Достоевского, но и самого Достоевского больше чем вероятно.

«Упадочно-бесплотная любовь» Достоевского есть та форма любви, которая обозначается научно *алголагией* (мазохизм-садизм), и является одним из самых тяжелых извращений полового инстинкта. При «бесплотной» алголагии мы вправе подозревать двоякого рода расстройство в эндокринной системе: гипофункцию половых желез и недостаточность постпитуитарной железы. Эта последняя может стоять в зависимости от гипофункции половых желез. Тем не менее вернее думать, что при тяжелых формах алголагии мы имеем дело с первичной недостаточностью постпитуитарной железы.

С другой стороны, следует предполагать при алголагии, особенно при активно-садистической алголагии, специфическую гиперфункцию адреналиновых желез, делающую возможной осуществление тех зверских инстинктов, которые лежат в основе садистической страсти. Такого рода адреналиновая гиперфункция должна быть исключена тогда, когда инстинкт существует только потенциально.

Что касается щитовидной и околощитовидной железы, то мы склонны были бы думать, что у Достоевского эти железы были на высоте своей функции и отклонений патологического характера у них не отмечалось. Правда, Достоевский с началом эпилептических припадков обнаруживает некоторый дефект интеллекта в форме сильного ослабления памяти. Однако было бы очень рискованно писать этот дефект на счет щитовидной железы. Некоторые авторы¹⁾ предполагают, что эпилепсия могла бы быть следствием *гипопаратиреозидизма*. Однако, речь, идет в таких случаях о *генуинной эпилепсии*. Исключая у Достоевского, как и у всех гениальных людей вообще, генуинную эпилепсию, мы тем самым отказываемся от возможного гипопаратиреозидизма и оставляем возможным гипотиреозидизм и то самой легкой формы. Более сильные формы недостаточности щитовидной железы имеют своим следствием значительные интеллектуальные дефекты, несовместимые с гениальностью.

В общем и целом *Достоевский* является питуитоцентриком с недостаточностью постпитуитарной доли, с недостаточностью половых, а может быть и адреналиновых желез. Но зато, видимо, антипитуитарная железа была у Достоевского до того хорошо развита, что она компенсировала недостаточность других желез и в результате получилась та эндокринная корреляция, которая сделала возможным проявление великого гения Достоевского.

¹⁾ Нанр.: Bisgaard A. & Norwig Johs. b Zeitschrift für die ges. Neurologie u. Psychiatrie Bd. 88 s. 469. 1923.

Лев Н. Толстой говорил о Достоевском: «Он писал безобразно и даже нарочно некрасиво, я уверен, что нарочно, из кокетства. Он форсил; в «Идиоте» у него написано: «В наглом приставании и сфидешевании знакомства». Я думаю, он нарочно искажил слово афишировать, потому что оно чужое, западное. Но у него можно найти и непростительные промахи: идист говорит: «Осел—добрый и полезный человек», но никто не смеется, хотя эти слова неизбежно должны вызвать смех или какое-нибудь замечание. Он говорит это при трех сестрах, а они любили высмеивать его. Особенно Аглая. Эту книгу считают плохой, но главное, что в ней плохо, это то, что князь Мышкин—эпилептик. Будь он здоров—его сердечная наивность, его чистота очень трогали бы нас. Но для того, чтобы написать его здоровым, у Достоевского не хватило храбрости. Да и не любил он здоровых людей. Он был уверен, что если сам он болен—весь мир болен...» (М. Горький. Лев Толстой. Воспоминания 1923).

Что Достоевский был больной человек, это сказалось особенно в его эндокринной системе. Можно было бы даже говорить о плюригландулярной недостаточности у Достоевского! Тем больше надо удивляться, что одна единственная железа в состоянии компенсировать такого рода недостаточность и в то же время выявить необычайную генеральность. Не до припомнить, однако, что питуитарная железа есть, так сказать, основная, «формирующая» железа европейской расы, и сохранность сил этой железы, особенно, если эти силы высшего качества, способны выдвинуть такой удивительный ун кум, как Достоевский, даже при эндокринной недостаточности плюригландулярного характера.

5. Н. А. Некрасов (1821-1877).

Ни в ком другом, может быть, неумолимая сила наследственности не проявила себя с такой, скажем, насмешливою жестокостью, как в Н. Некрасове. Николай Алексеевич не любил отца, не мог питать к нему должного уважения, имея к тому много причин, коренящихся, главным образом, в идеальном его мировоззрении, в его любви к народу, угнетаемому его «отцами» не в меньшей мере, чем другими помещиками, и в серьезном его отношении к жизни, отсутствовавшем у отца Некрасова и, видимо, у других его предков. В своем стихотворении: «Родина» Николай Алексеевич бичует своих «отцов» в следующих словах:

И вот они опять, знакомые места,
Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,
Текла среди пиров, бессмысленного чванства,
Разврата грязного и мелкого тиранства;
Где рой подавленных и трепетных рабов
Завидовал житью последних барских псов,
Где было суждено мне Божий свет увидеть,
Где научился я терпеть и ненавидеть,
Но ненависть в душе постыдно притая,
Где иногда бывал помещиком и я;
Где от души моей, довременно-растленной,
Так рано отлетел пской благословенный
И не ребяческих желаний и тревог
Огонь томительный до срока сердце жег...

Жестокосердие отца, жившего бесплодной, пустой и грязно развратной жизнью дало себя знать не только на «трепетных рабах», но и на сыне Николае, который, не следовав приказанию отца доканчивать учение в дворянском полку в Петербурге, был лишен материальной помощи и жил длинные годы впроголодь, почти без крова и без достаточной одежды, отчего поэт, хотя молодой и крепкий, заболел тяжелою болезнью, которая, по его мнению, оставила следы на всю его жизнь.¹⁾

¹⁾ Об этой поре своей жизни Некрасов рассказывал следующее. Во время болезни Некрасов задолжал своим квартирохозяевам, какому-то отставному унтер-офицеру и его жене, сорок рублей. «Хозяйин,—рассказывает Некрасов,—еще ничего, но хозяйка сильно беспокоилась, что я умру и деньги пропадут. За перегородкою постоянно слышались разговоры по этому поводу. Наконец, в один прекрасный день, ко мне явился

Неудивительно поэтому, если Николай Алексеевич не питал к отцу особенных симпатий и бичевал своих «отцов», несмотря на то, что законы наследственности сделали его во многих отношениях весьма похожим даже нравственно на своих предков.

Главная унаследованная Некрасовым от отца страсть—это страсть к охоте. Конечно, охота использовывалась Некрасовым в большей своей части для более близкого знакомства с народом, воспеваемым поэтом в его стихотворениях. Но охота была для Некрасова не столько «хождение в народ», сколько самоцель, как это легко убедиться по следующим сообщениям сестры поэта, Анны Алексеевны, о страсти брата к охоте.

«Брат мой всю жизнь любил охоту с ружьем и лягавой собакой. Десяти лет он убил утку на Пчельском озере. Был октябрь; окраины озера уже заволокло льдом; собака не шла в воду. Он поплыл сам за уткой и достал ее. Это стоило ему горячки, но от охоты не отвадило. Отец брал его на свою псовую охоту, но он не любил ее. Приучили его к верховой езде очень оригинально и неособенно нежно. Он сам рассказывал, что однажды восемнадцать раз в день упал с лошади. Дело было зимой—мягко. Зато после всю жизнь он не боялся никакой лошади и смело садился на клячу и на бешеного жеребца. Но ездить любил шагом и хорошо стрелял с лошади.

По мере того, как средства его росли и он делался самостоятельным, он придал охоте своей характер по своему вкусу и своим планам. Охота была для него не одною забавою, но

хозяйин, объяснил свои опусения с полною откровенностью и просил меня написать ему расписку в том, что я оставлю ему за долг свой чемодан, книги и остальные вещишки. Я написал. Думаю: чего доброго, не станут и хоронить, да и люди они были действительно бедные. Через несколько времени мне стало, однако, лучше, и я вскоре настолько уже оправился, что решился пойти с Раз'езжей на Выборгскую сторону, к одному знакомому студенту-медику. Добравшись кое-как до него, я там засиделся до позднего вечера. Возвращаясь ночью домой, сильно прозяб, так как на мне было холодное пальтишко, а дело было осенью—в октябре или ноябре. Прихожу к дверям, звоню раз, другой... Не пускают: говорят, что в моей комнате поселился уже другой жилец. Что же касается до моего долга, то хозяйева считают себя вполне удовлетворенными моим имуществом, которое я им отдал за долг, в чем и выдал расписку. Скверно стало мне. Я остался один на улице, остался без ничего, в плохом пальтишке в осеннюю холодную ночь. Побрел я, куда глаза глядят, не сознавая, куда и зачем, пребрался на Невский и сел там на скамеечку, какие выставляются у ресторанов для посетителей. Прозяб. Чувствовал сильную усталость и упадок сил. Наконец, уснул. Разбудил меня какой-то старик, оказавшийся нищим, который, проходя мимо, пожалился надо мною и пригласил меня с собою куда-то ночевать. Я пошел. Пришли на Васильевский остров, в 15-ю ливию. Там в самом конце улицы, стоял деревянный полуразвалившийся домик, в который мы и вошли. В доме оказалось много народу. Все это были нищие, которые собиравались сюда ночевать. Не помню я всех разговоров, которые велись здесь, помню только, что я написал кому-то прошение и получил за это 15 копеек».

(Из «Биографического Очерка» к полному собранию стихотворений Н. А. Некрасова в двух томах. Восьмое издание. С.-Петербург. 1902).

и средством знакомиться с народом. Каждое лето периодически повторялось одно и то же. Поработав несколько дней, брат начинал собираться. Это значило—подавали к крыльцу простую телегу, которую нагружали провизией и порохом. Затем, вечером или рано утром на другой день, брат отправлялся сам в легком экипаже с любимой собакой, редко с товарищем. Товарища на охоту брать не любил. Он пропадал на несколько дней, иногда на неделю и более. По рассказам происходило вот что: в разных пунктах охоты у него уже были знакомцы—мужики-охотники. Он до каждого доезжал и охотился в его местности. Поезд, сперва из двух троек, доходил до пяти, брались почтовые лошади, ибо брат собирал своих провожатых и уже не отпускал их до известного пункта.

По окончании утренней охоты, выбиралось удобное место; брат со всей компанией завтракал, говорил сам мало или дремал. Компания, которая получала не мало водки и сколько угодно мяса, была разговорчива—брат слушал или нет, это—его дело.

Он говорил, что самый талантливый процент из русского народа отделяется в охотники; редкий раз не привозил он из своего странствия какого-либо запаса для своих произведений. Так, однажды при мне он вернулся и засел за «Коробейников», которых потом при мне читал крестьянину Кузьме. В другой раз засел на два дня—и явились «Крестьянские дети». В самом деле, разве можно выдумать форму этой идиллии, этот сарай с цветными глазками:

Чу! Шопот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Все серые, карие, синие глазки—
Смешались, как в поле цветы!

«Орина мать солдатская» сама ему рассказывала свою ужасную жизнь. Он говорил, что несколько раз делал крюк, чтобы поговорить с нею, а то боялся сфальшивить. Одно стихотворение, о котором сожалел, что не написал его, это—эпитафии. С одним из своих друзей-охотников, он однажды переходил кладбище, Гаврило рассказывал ему о покойниках, могилы которых обращали на себя внимание брата. Я помню только эпитафию:

Зимой играл в картишки
В уездном городишке,
А летом жил на воле,
Травил зайчишек груды,
И умер пьяный в поле
От водки и простуды.

На зимней охоте с ним однажды был казус. Он набрал до восьмидесяти человек и ехал на медведя. Мужики шли впереди. Увидел брат зарево пожара и всю свою команду повернул от

медведя туда. Деревню спасли, но охота на тот день пропала. Мужики не жалели медведя, и убить его брату не пришлось, а деньги отдай. Надували его мужики много, но часто поступали с ним честно. Круг его летней охоты—луга смежных губерний—Ярославской, Костромской, Владимирской. Он их хорошо знал, и большая часть его типов принадлежит средней России. Память у него была удивительная, он записывал *одним словечком* целый рассказ и помнил его всю жизнь по одному записанному слову. При работе, тетради эти с непонятными никому отметками были перед его глазами».

Страсть к охоте есть психическая черта, свидетельствующая о гиперфункции адреналинных желез в равной мере почти, как страсть к военному делу. Отец поэта, служивший долго в армии, а вышедши в отставку предавшийся страстно охоте передал своему сыну в наследство свой гиперадренализм.

Гиперадренализм Некрасова нашел свое выражение не только в страсти к охоте, но и в общей повышенной жизненной энергии, которая все-таки отличалась периодичностью. Так, напр., поэт зимой не предавался своей музе:

Зимой поэт молчал упорно,
Зимой писать охоты нет;
Но вот дохнула благотворно
Весна — не выдержал поэт!
Вновь пишет он призванью верен.
Пиши, но будь благонамерен!
И не рискуй опять попасть
На гауптвахту или в часть!

Но как только поэт начал писать, то тут уж не было удержу его энергии, и он забывал и спать, и есть:

Довольно! Разве доказать —
Удобный случай благо есть,
Что я, когда начну писать,
Перестаю и спать, и есть...

Периодичность проявления поэтической энергии Некрасова и совпадение этого проявления с пробуждением природы весной и жизнью на охоте говорят за то, что питuitarная железа Некрасова, которая, конечно, и сама по себе была на высоте своей функции, в значительной степени получала коррелятивную поддержку в адреналинных железах. Итак, несмотря на то, что Некрасов вряд ли чувствовал какое-нибудь духовное родство с отцом, унаследованная им от отца адреналинная гиперфункция безусловно играла роль в развитии поэтического его таланта.

Можно было бы еще из факта периодичности проявления поэтической энергии у Некрасова заключить о роли половых желез при акте его творчества. Правда, у человека нет той строгой периодичности в пробуждении полового инстинкта, каковой отличается половой инстинкт животных. Но и у человека

можно отметить усиление половой энергии именно весной. Если принять во внимание, что коррелятивная зависимость питуитарной железы от интерстициальной (половых желез) чуть ли не самая основная и важная для первой, то придется отвести и половым железам немаловажную роль в поэтической деятельности Некрасова и заключить из этого о функциональной пригодности этих желез у Некрасова.

Не останавливаясь на других подробностях из жизни Некрасова, которые представляют лишь второстепенный эндокринологический интерес, мы можем уже на основании приведенных нами фактов из жизни Некрасова определить его эндокринологически, как *адреналинопитуитоцентрическую личность*, у которой, впрочем, весь эндокринный аппарат отличался сравнительным постоянством хорошо развитых функциональных отправлений.

6. Л. Н. Андреев (1871-1919).

Леонид Николаевич Андреев — первый нами эндокринологически анализируемый тип неврастенического (собственно: истероневрастенического) гения, обстоятельство, заставляющее нас с сугубым вниманием проследить все подробности психофизического развития Леонида Андреева в связи с его наследственностью.

Сведения о наследственности Л. Андреева ¹⁾ ограничиваются таковыми об отце и матери. О бабушке по линии отца известно только, что это был орловский помещик и предводитель дворянства *Карлов*, вступивший в связь с крепостной девушкой, Глафирой Осиповной, от каковой связи родились Николай Иванович Андреев, отец писателя, и Александра Ивановна (по мужу Зинкевич) — тетя.

«Отец Леонида Андреева, Николай Иванович, не получил большого образования — он кончил лишь трехклассное уездное училище, а затем прослушал таксаторские классы при орловской губернской гимназии, и таким образом стал землемером. Вероятно, заработок был не особенно большой, что заставило Н. И. Андреева служить еще и в городском банке. Такое совмещение давало достаточно средств, чтобы прокормить семью. Жили Андреевы не особенно богато, но, во всяком случае, «дом их был, что называется, полная чаша» (по словам Софьи Дмитриевны Пановой, дальней родственницы Л. Андреева). Сначала они нанимали квартиру, но потом Н. Ив. Андреев построил свой домик на 2-ой Пушкирной улице. Дом этот сохранился в неприкосновенности до сих пор». Небольшой, всего в четыре окна по фасаду, в псевдо-русском стиле, весь в резьбе, выкрашенный в зеленую краску, он резко выделяется в ряду своих соседок и vis-à-vis покривившихся хибарок в 3, а то и в 2 окна, горделиво сознавая себя лучшим домом на Пушкирной». Несмотря на небольшие размеры, домик довольно «поместительный — в нем теперь две квартиры. — За домом — фруктовый садик, в который ведет терраса. Эта терраса фигурирует в автобиографической пьесе «Младость», в которой Л. Н. Анд-

¹⁾ См. Галант, Психопатологический образ Леонида Андреева. Леонид Андреев — истероневрастенический гений. Кв. Арх. Ген. и Одар. вып. 2-й, том III-й.

реев вывел себя, своих отца, мать, тетку, знакомых и товарищей — орловских гимназистов и гимназисток.

Как и в пьесе, отец был большим любителем хозяйства и особенно садоводства. Копаться в саду — было едва ли не главным его наслаждением. Любовно смотрел он с террасы на огромные вязы, и по сие время растущие около забора рядом с домом. По словам орловского старожилы, А. Г. Шиллера, незадолго перед смертью Н. И. Андреев вышел на балкон и, протянув к себе ветвь вяза, свил ее на подобие венка. «Когда умру, положите мне этот венок на гроб», сказал он жене. Через несколько дней он умер. Жена спилила эту ветвь и положила ему на гроб в виде громадного венка.

Быть может, самая профессия землемера, которая постоянно сталкивала Н. И. Андреева с природой, с полями, лесами, лугами, озерами и прочими угодами, как «удобными» так и «неудобными», способствовала развятию этой любви к природе. Быть может, от отца в значительной степени унаследовал ее и Л. И., который всю жизнь с особой нежностью любил природу и чутко воспринимал ее красоты¹⁾.

Но в характере отца Л. И-ча, кроме этих подкупающих, мягких черт, были и иные. Внешне тучный, мужественный и высокий, он был строг и суров. В семье все его боялись. Когда он был в дурном настроении — в доме все замирало. Часто он сильно и запойно пьянствовал. Человек неглупый, не заурядный, с широкой натурой, он не обладал той степенью культурности и интеллигентности, которая помогала бы ему противостоять соблазнам и повседневности провинциального быта. Он вел жизнь обычную для провинциального чиновничества того времени: утром служба, затем обед, послеобеденный сон, а вечером — картежная игра дома, в гостях или в клубе, бильярд, выпивка, доводящая нередко до буйных пьяных скандалов, о которых на-утро ходили сплетни по городу. В памяти товарищей Л. И-ча сохранились рассказы о попойках и драках, в которых скандальная роль принадлежала отцу Л. Андреева. Раз один из гимназических учителей каким-то неблагоприятным поступком в клубе навлек на себя гнев Н. И-ча, бывшего сильно на веселе. Струсившему педагогу пришлось «благородно ретироваться» и, спрягавшись в передней клуба под шубами, просидеть там, пока разъяренный землемер бегал и с криком всюду искал его, чтобы избить. В другой раз, незадолго до своей смерти, отец Л. Андреева, тоже изрядно пьяный, поссорился ночью с легковыми извозчиками. Завязалась драка. Николай Иванович, отличавшийся большой физи-

¹⁾ Д-р И. Н. Севастьянов в своих воспоминаниях, напр., говорит о Л. И. Андрееве: «Природу он, по его собственным словам, неоднократно высказываемым, любил страстно, и только в единении с природой находил успокоение от волнующих переживаний. Тонкое чувство природы разлито почти по всем произведениям Л. Андреева.

ческой силой,—он совершенно свободно носил тяжести в четыре пуда,—вырвал у входной двери гостиницы большую железную ручку и стал ею защищаться. Впрочем, это сражение не прошло ему даром—едва добравшись до дму, он слег и уже не вставал с постели. Такие сцены не могли не нарушать идиллического быта провинциально мещанской семьи, но все же дети любили своего отца и относились к нему с уважением.

Сам Леонид Николаевич в таких словах вспоминает о своем родителе: «Покойный отец мой был человеком ясного ума, сильной воли и огромного бесстрашия, но к художественному творчеству в какой бы то ни было форме склонности не имел. Книжки, однако, любил и читал много, к природе же относился с величайшим вниманием и той проникновенной любовью, источник которой находился в его мужицко-помещичьей крови. Был хорошим садоводом, всю жизнь мечтал о деревне, но умер в городе... Отец и мать поженились очень рано, оба были людьми здоровыми и очень крепкими, а отец, кроме того, отличался огромной физической силой. В городе отец умер рано, всего сорока двух лет, скоропостижно от кровоизлияния в мозг, в деревне он мог бы дожить и до ста лет»¹⁾.

Умер Николай Иванович, когда Леонид Андреев был в шестом классе гимназии. Смерть отца, совершенно неожиданная, была тяжелым ударом для семьи. Кроме дома, никакого имущества не было—жили на заработки хозяина. Андреевым пришлось сильно бедствовать.

Из приведенной нами здесь характеристики отца Леонида Андреева²⁾ мы гряде всего убеждаем я, что отец Леонид Николаевича, Н. Ив., никакой неврасгений не страдал. Это был крепкий, недюжинной силы человек, унаследовавший от своей матери крестьянки и здорового, повидимому, отца помещика любовь к земле, к природе, занимался с большой любовью садоводством и мечтал о жизни в деревне. Добродушный, приветливый, любвеобильный в трезвом состоянии он делался буйным, драчливым и злым под влиянием алкоголя; выпивши, скандалил неопиcуемо, лез в драку с кем ни попало, и одна из таких драк с легковым извозч. ками, в которой он, как обыкновенно, покaзал атл. тическую свою силу, свела его в могилу на 42 только году жизни: извозчики одолели разбуянившегося чиновника раз навсегда...

Эндокринологически отец Л. Андреева скорее всего адреналинно-питуитоцентрическая личность. За это говорит, главным образом, большой его рост, бросающаяся в глаза тучность и невероятная физическая сила.

¹⁾ Автобиографическая записка, составленная Леонидом Андреевым в 1910 г. по просьбе С. А. Венгерова для его «Критико-биографического словаря» — «Русская литература XX века, под редакцией профессора С. А. Венгерова, издательство товарищества «Мир», книга VI, стр. 243.

²⁾ По Н. Н. Фатову, Молодые годы Леонида Андреева. По неизданным письмам, воспоминаниям и документам. Москва 1924 г.

«Мать Леонида Андреева—Настасья (Анастасия) Николаевна, была урожденная Пацковская (см. генеалогическую таблицу). Род Пацковских, повидимому, польский, но давно обруселый—мать Л. Н-ча была типичной русской провинциалкой. По словам ее племянницы Зоя Ник. Пацковской дед Андреева с материнской стороны, Николай Дмитриевич Пацковский, был орловским помещиком, имея раньше имение в Мценском уезде; оно было давно продано, но у Пацковских оставались бывшие крепостные—няня, кухарка и кучер. Эти сведения, впрочем, опровергает другая двоюродная сестра Л. Н-ча С. Д. Панова. По ее словам, никакого имения не было, крепостных также, родом же Пацковские были из Черниговской губернии. Однако, и С. Д. Панова не отрицала их дворянского происхождения и даже припомнила, что была, кажется, какая-то жалованная грамота. Но если Пацковские были и дворяне, то, во всяком случае, захудалые дворяне, так как мать Л. Н-ча была едва грамотна, о чем свидетельствует одно из ее писем Л. Н-чу. Она не ставит знаков препинания и прописных букв; она не признает совершенно буквы «ять»; вместо «у нас» она пишет «у нос», вместо «дача»—«доча», пишет: «чувствуить», «счецы», «песьмо», «пешу» (пишу), «фолоформ» (хлороформ) «ноньча», переносит на новую строчку «тъ» и т. д. Но,—какая беззаветная материнская любовь сквозит в каждой строчке этого безграмотного письма! Одна у нее забота—ее «Ленуша», хотя ему уже не менее 40 лет, и он во второй раз женат (письмо—позднее финляндского периода): «приехоли мы хорошо,—пишет она,—домо всх зостоли здоровыми неделя прашла незометно а потом была горя Ленуша очень сильна прастудился так что боялись что б не бола восполенья легких бронхит уже ночолся неделю была температура 39 и 4 деся и утром и вечером»... Приехал доктор и «успокойл что восполения легких нет и не будить но конечно радости нашей конца не бола»... Вдруг супруга Л. Н-ча вскоре после родов решила экстренно ехать в Петербург—«коксво ленуше,—пишет Настасья Николаевна,—«сидит едва и вот я уже чуть не рехнулось думою ему нельзя к ней и он будить бесп койца»...

По единогласному отзыву всех вспоминавших о ней, мать Л. Н-ча производила впечатление милой, приветливой, домовитой хозяйки, но особенно всем бросалась в глаза ее исключительная любовь к старшему сыну Леониду. «Мать,—говорила мне С. Д. Панова,—души не чаяла в Леониде; он был ее любимцем, и она всегда его защищала и позволяла ему все, что бы он ни захотел, и после потакала всяким его прихотям капризам». «Тетя души в Леониде не чаяла и не в чем не могла ему отказать»,—рассказывала Зоя Н. Пацковская. Товарищ Л. Н-ча по гимназии (теперь д-р) С. С. Блохин так характеризует ее: «Мать Леонида—простая полуграмотная женщина, молившаяся на своего сына (других детей,—младших, брата и сестру, она любила меньше) готовая все сделать и все отдать»

для «своего Ленки». Другой товарищ Л. Н., д-р И. Н. Севастьянов, говорит: «Мать Л. Н-ча я знал в то время, когда писатель был студентом Московского университета. На меня она произвела впечатление забитой горем и нуждой женщины, ничем особенно не выдающейся, разве только безграничной любовью к своему старшему сыну Леониду, что особенно сильно проявлялось в студенческие годы Андреева, когда вся семья жила его интересами, его жизнью»...

Фатов описывает дальше мать Л. Н-ча, как «милый и в то же время несколько комичный образ с типичными чертами провинциальной кумушки, прибавляет, однако, что она была «неизменной спутницей всей жизни Л. Н-ча. Когда Л. Андреев был студентом, она переехала для него жить в Москву; впоследствии, во время его путешествий по России и за границей она почти всегда его сопровождала; последние годы жила с ним в Финляндии в Райволе, на Черной Речке, где у Л. Андреева была своя дача.

Судьба была к ней жестока. Ей пришлось преждевременно схоронить своего сына на 49-году его жизни. ¹⁾ Но и сама она не на долго его пережила: она умерла при невыясненных обстоятельствах (ее нашли мертвой на полу у двери) 2 декабря 1920 года.

Характерно, что сам Л. Н-ч происхождение своего художественного таланта возводил к материнской линии. В цитированной уже «автобиографической записке» он говорит: «Я плохо знаю моих восходящих родных: большинство из них умерло, либо безвестно затерялось в жизни, когда я был еще маленьким. Но насколько могу судить по тем немногим данным, которые дало мне наблюдение, мое влечение к художественной деятельности наследственно опирается на линию материнскую. Именно в этой стороне я нахожу наибольшее количество людей одаренных, хотя одаренность их никогда не поднималась значительно выше среднего уровня и часто, под неблагоприятными влияниями жизни, принимала уродливые формы. Бескорыстная любовь к вранью и житейскому вредному сочинительству, которой иногда страдают обитатели наших медвежьих углов, часто бывает неразвившимся зародышем того же литературного дарования. И пылкое фантазерство, не находившее себе границ в условиях скудной действительности, составляло характерную черту некоторых моих родственников, повторяю, уже умерших. В смысле обычной талантливости они, оставаясь самоучками, проявляли себя так: одни любили и умели рисовать, но не шли дальше лошадей и турок в фесках, другие имели склонность к музыке, но другого инструмента, кроме трехрядной гармоники, не знали».

¹⁾ Страшно сказать—она покушалась на самоубийство над телом своего сына, но была спасена, ее вынули из петли. Умер Л. Андреев 12 сентября 1919 года. Сообщено Р. Н. Оль, урожденной Андреевой.

Кого именно имел в виду Л. Н. в этой характеристике трудно точно сказать. Может быть, он имел в виду дядю П. П. Пацковского, может быть, отчасти свою мать и даже родственников младшего поколения, хотя и говорит о родных уже умерших. Есть указания, что мать Л. Н-ча отличалась большой фантазией и в детстве рассказывала ему различные сказки и фантастические истории, часто своего сочинения, которые производили сильное впечатление на будущего писателя.¹⁾

Несмотря на то что Л. Андреев старается свести свою одаренность на линию матери, трудно найти здесь эту одаренность, если не в самых примитивных зачатках, доступных одному только проницательному оку самого писателя. По свидетельству всех лиц, знавших мать Андреева, это была самая обыкновенная «провинциальная кумушка», не лишенная многих комичных черт характера, полуграмотная, но одаренная не заурядно глубоким материнским чувством, позволяющим судить о хорошем развитии и качественно высокой функции постпитуитарной железы. Таким образом, и мать Л. Андреева принадлежала к питуитоцентрическому типу, и *сын унаследовал питуитоцентризм как со стороны отца, так и со стороны матери*. Об унаследованном Андреевым материнском питуитоцентризме можно судить по глубине чувств в произведениях Андреева и по его привязанности к первой жене Александре Михайловне Велигорской, напоминавшей во многом привязанность матери Андреева к своему сыну. Когда Александра Михайловна умерла в родильной горячке в Берлине, Леонид Н-ч не мог утешиться: истероневрастенические его припадки участились, он помышляет о самоубийстве, а потом предавался часто пьянству, заливая свое горе об умершей жене. «Как приедет в Москву, побывает на могиле (Алекс. Михайловны), так и запой» (Воспоминания З. Н. Пацковской, двоюродной сестры Л. Андреева в книге Н. Фатова об Андрееве).

Об этих запоях, характеризующих в то же время унаследованный Андреевым от отца тяжелый алкоголизм рассказывает Г. Чулков («Книга о Л. Андрееве» ПБ. 1922 стр. 72): «... Меня встретила его матушка и шопотом сообщила, что Леонид «заболел». Это значило, что он во хмелю. Я хотел было уйти, но Андреев услышал мой голос, вышел и повлек меня к себе в кабинет. Перед ним стояла бутылка коньяку, и он продолжал пить, и было видно, что он пьет уже дня три. Он говорил о том что жизнь вообще «дьявольская штука», а что его жизнь погибла: «ушла та, которая была для него звездой». — «Покойница!» — говорил он шопотом таинственно и мрачно. Потом он опустил голову на стол и заплакал. И опять тот же таинственный шопот и бред. Вдруг он замолчал и стал прислушиваться, обернувшись к стеклянной двери, которая,

¹⁾ А. Кауфман. Андреев в жизни и в своих произведениях «Вестник литературы» 1920 № 9 (21) стр. 2-4.

выходила на балкон. «Слышите?—сказал он:—Она тут». И снова начался мучительный бред, и нельзя было понять, галлюцинирует он в самом деле, или это все понадобилось ему, чтобы выразить как-нибудь то загадочное и для него самого не понятное, что было у него тогда в душе.

«Опять с некоторого времени». — писал Л. Андреев 17 авг. 1907 г. (там же стр. 83) Б. Зайцеву, — «день мой, каждый мой день и каждая ночь—до краев налиты тоской». Что делать, я не знаю, ибо убивать себя не хочу, в сумасшедший дом тоже не хочу, а жизнь не выходит, а тоска поистине невыносимая. И все о том же, о той же Шуре, о ее смерти. Отпустила, было не на долгое время, а теперь снова гвоздят и те же мысли, и сны. Сны ужасная, брат, вещь эти сны,—в которых она воскресает и всю ночь поит меня дикою радостью, а на утро уходит»..

Алкогольная наследственность Л. Андреева вполне достаточно объясняет не только алкоголизм, но и истеро-неврастению писателя, хотя ни по прямой, ни по косвенной линии истеро-неврастении в наследственности Андреева нет. Дети алкоголиков часто болевают всякого рода неврозами, эпилепсией, душевными болезнями и т. д. Ничего удивите льного нет, если Л. Андреев помимо алкоголизма отца получил еще в виде «процентов» истеро-неврастению. Однако, для выяснения характера истеро-неврастении Л. Андреева в связи с внешними обстоятельствами его жизни и особенностями эндокринного его аппарата, который нас здесь больше всего интересует, проследим всю жизнь Л. Андреева, начиная с малых лет, останавливаясь на самом для наших целей существенном.

В самом раннем возрасте, когда Л. Андрееву не было, может быть и 2 лет он перенес тяжелую травму по голове, которая должно быть не осталась без последствий для дальнейших судеб писателя, хотя, конечно, трудно даже приблизительно сказать, какова была роль этой травмы в его жизни и каково было ее влияние на общее течение его жизни. Об этой травме рассказывает Софья Дмитриевна Панова с едущее: «Помню лишь случай, когда Леонид не умел еще ходить (и я тоже,—меня посадили вместе с ним на пол играть, каким-то образом у меня в руке оказалась самоварная крышка, которой я егохватила по голове так, что он конечно, заревел. После он часто жаловался, что у него болит голова, я ему, шутя, говорила: уж не от того ли это, что я тебя, помнишь, ударила по голове самоварной крышкой?»..

Мы охотно писали бы привычные головные боли Л. Андреева, о к т рых еще будет речь впереди, за счет его неврастении. Однако, не зья совершенно пренебречь перенесенной Л. Андреевым в раннем детстве головною травмой, которая повидьмому была довольно сильной для двухлетнего мальчика. Придется поэтому с этой травмой считаться.

Непосредственного вреда травма Л. Андрееву как будто не причинила. Он развивался здоровым ребенком (перенес в детстве обычные детские болезни: корь, скарлатина и к тому еще воспаление легких), был очень активным и проявлял необычайную для детей его возраста силу воли, умея подчинять других своей воле. Зоя Николаевна Пацковская, двоюродная сестра Л. Андреева и подруга его детства рассказывает об этом в следующих словах: «Родился Леонид в Орле в 1871 г. Помню его лет с пяти, с того времени, как помню и себя. Ребенком он или шалил так, что хогь «святых вон выноси», или же сидел и читал, читал все подряд, что ни попадется, но особенно любил приключения и путешествия, — Майн-Рида, Жюль-Верн и т. п. Увлекался необычайно индейцами. Часто мы все играли в краснокожих. Однажды собрал всю нашу компанию — было нам всем лет по восьми, десяти, велел всем раздеться догола, вымазал нас всех глиной, вывалял в перьях, которые повывергал из кур, и стал готовить нападение. Сказал, что белые близко, что мы должны напасть на них, и тогда, говорит, «попируем». У нас в это время были гости, очень много народу, и все сидели в беседке, пили чай. Леонид велел нам тихо подползать; мы ползли, ползли, не дышали, боялись его послушаться, — чтобы он ни велел, мы все беспрекословно исполняли, — окружили беседку. Наконец Леонид с гиканьем бросается на гостей, и мы все за ним. Среди гостей была одна дама в интересном положении, с которой сделался обморок от страха, да и все гости от неожиданности сильно перепугались. Леонид был очень доволен произведенным эффектом, но отец на него страшно рассердился и хотел его высечь. Тогда Леонид убежал и залез на дерево. И никакие угрозы не могли его заставить сойти. Говорил: — «Скорее умру с голоду, чем сдамся». Он считал себя предводителем шайки краснокожих, и всякое малодушие для себя считал позором. Так его и простили.

В другой раз, помню, увел он нас на богомолье в Киев. Мы жили на даче, недалеко от Орла, и около нас по большой дороге часто проходили богомольцы с котомками в Киев. И вот нарядил Леонид всю нашу братию богомольцами, заставил разуться, взял палки, узелки и повел, но... вместо Киева, привел нас в Орел, и мы явились к Андреевым; никто нас, конечно, не ждал, тем более в таком виде, все тоже пришли в ужас, и ему опять за это сильно попало».

Казалось бы, что все кругом у мальчишки Андреева обстояло благополучно. Однако, не совсем. Уже в самом раннем возрасте он страдает «мрачными настроениями». А иногда, даже на маленького, на него находило мрачное настроение, тогда — лучше не подходи! Тоже было, и когда вырос. В хорошем настроении он бывал весел, что называется, душа общества, постоянно шутил, веселил всех, выдумывал разные истории, но

вдруг становился мрачным, и тогда уже уныние на всех напускало, так что становилось прямо неприятно. Иногда он и уходил в таком состоянии из общества, чувствуя что становится всем в тягость. А когда весел — то остроумен, интереснейший собеседник. И любил компанию. Любил также всякий спорт — кататься на коньках, на лодке, на лыжах.

«Мрачные настроения» Леонида чередуясь с таковыми беззаботного бурлящего веселья могли бы, конечно, дать повод думать что Леонид страдал «маниакально-депрессивным психозом» тем более что он по строению тела принадлежал к типу, по Кречмеру, «циклоидному», расположенному к маниакально-депрессивному психозу. Леонид был по свидетельству своих двоюродных сестер «очень красив и строг» (так что в него легко влюблялись гимназистки. Большой роман у него был с Зинаидой Николаевной Сиб-вой (когда Леонид был в седьмом классе гимназии), также с Хлуденевой, воспитанницей начальника Орловско-Витебской дороги). По сохранившемуся «Санитарному Листку» результаты освидетельствования Л. Андреева в 1889 и 1890-91 г. г. за время его пребывания в VII и VIII классах таковы: возраст 18-19 лет; размер роста — 169 и 170 ст., обхват груди 34 и 86; вес тела 60 кгр. и 64 кгр.; свойства телосложения — оба раза «кр.» (т. е. крепкого); зрения $24/20$ и $20/20$; слуха и речи — оба раза «норм.» (т. е. нормальные); «сущест- вующих болезней» не показано никаких.

Итак, по своему телосложению и по правильным очертаниям лица Андреев принадлежал к *пикническому типу* (может быть при более точном осмотре телосложение Андреева пришлось бы обозначить как пикническое с некоторым *атлетоидными* отклонениями [уклонения от основного типа]; Андреев был высокого роста 170 ст. и должно быть мускулистый; «крепкий» как говорится в «Санитарном Листке»), он же, эндокринологически выражаясь, питуитоцентрический, а следовательно по Кречмеру, как мы уже упомянули, следовало бы в случае Андреева ожидать психически «циклоида». Конечно, у Андреева имеется много «циклоидных черт»: он и остроумен, веселый, приятный собеседник, склонен больше к обществу чем к уединению, у него имеются даже черты вождя и покорителя (в детские годы) и т. д. но у Андреева, конечно, столько же «шизоидных» черт (особенно склонность к самоанализу, психоинверсия) и такая же масса психопатических черт, связанных с его алкоголизмом и истероневрастенией, о которых речь еще будет впереди, что о «циклоидности» и «маниакально-депрессивной конструкции» Андреева говорить не приходится. Таков пример Андреева, не оправдывающий совершенно учения Кречмера, и служащий лишним раз доказательством того, что следовать слепо интуициям Кречмера безцельно вредно.

«Мрачные настроения» Л. Андреева, которые повели нас к рассуждениям о возможности маниакально-депрессивной кон-

ституции у писателя сами по себе очень мало имеют общего с депрессивными состояниями при маниакально-депрессивном психозе. Вот описание одного такого «настроения», когда Л. Андреев бросился под поезд. Он тогда был учеником VI класса гимназии и был в возрасте 16-17 лет.

«Под поезд бросился—все мы пошли гулять большой компанией, он был в хорошем настроении; пошли к ботаническому саду вдоль полотна Орловско-Витебской ж. д. Возвращались веселые и довольные. Вдруг видим, что он что-то отбросил, потом оказалось, что папье, — и побежал к рельсам на насыпь, — мы все окаменели. Когда прошел поезд, он встал бледный, с изорванной рубашкой, и, шатаясь, тихо ушел. Его это страшно потрясло. Он потом был болен, сильное было сердцебиение. Мать просила не рассказывать отцу. Мы боялись его спрашивать. Потом он сам стал говорить, и сказал, что сам не отдает себе отчета, зачем это сделал, хотел, очевидно, испытать сильное ощущение и судьбу. Я, говорит, все присматривался и заметил, что можно пролежать невредимо, если идет паровоз с высокой топкой (но была большая опасность от крючка, висящего на сцепках вагонов). Я, говорит, старался прижаться как можно больше к земле и натягивая рубашку, чтобы крючек меня не задел. В этот момент, говорит, я все забыл, у меня была лишь неудержимая, страстная любовь к жизни».

Нет смысла теряться в догадках относительно «настоящей причины» более чем странного поступка Л. Андреева. Ясно только, что тут нет ничего «циклоидного» и очень много «шизоидного». Во всяком случае Л. Андреев бросился под поезд в состоянии нарушенного душевного равновесия, и поступок следует отнести к числу *импульсивных*. Импульсивность говорит больше за «шизоидный» чем за «циклоидный» характер поступка. В этом не может быть двух мнений. Больше всего намечается в этой первой попытке Л. Андреева «покончить самоубийством» (такого намерения как будто бы в самом то деле и не было!) ослабление инстинкта самосохранения (неврастения!) и некоторая истероидность характера, о чем свидетельствуют искания «сильных ощущений», желание «испытать судьбу», а также желание «порисоваться», «поразить», «заставить о себе говорить». Очень странно, что Андреев бросается под поезд, находясь в обществе товарищей, и невольно приходит мысль о желании Андреева показать товарищам свою храбрость. «порисоваться», желание которое может быть наполовину было бессознательным.

Андрееву не пришлось долго «пытать судьбу». Вскоре после описанного происшествия судьба начала пытать Л. Андреева и так пытать, что он имел вдоволь и «сильных ощущений», и поводов к многочисленным покушениям на самоубийство и ко всякого рода эксцентричностям.

Когда Леонид был в седьмом классе гимназии, его отец умер, оставив семью без средств к существованию. В связи с этим для Леонида настала особенно критическая пора по окончании гимназии, когда он решил поступить в Петербургский университет. Здесь ему решительно не везло. Не было средств ни к существованию, ни чтобы платить за правоучение в университете. Зина Сиб-вая, любовь к которой у Андреева была очень глубокая, и из-за которой Л. И. собственно и решил ехать в Петербург голодать изменила ему. Эта измена до того потрясла измученного голодом Андреева, что он «пытался зарезаться финским ножом, но остался жив, бросил университет и приехал в Орел, и только тут успокоился. Жил в Орле целый год. Ходил часто в городской сад слушать музыку. Купил себе крапую рубашку и заказал щегольские сапоги, но сапожник испортил их, и Леонид натер себе мозоли. Раз пошли гулять,—он, я (С. Д. Панова), две Пецковские. Он постоянно отстаёт, садится на столбы отдыхать и приговаривает: «Я брат трех сестер, трех сестер, от сестер ноги стер...»

Красная рубашка, щегольские сапоги! Как будто этот мужицкий наряд должен служить нам символом выздоровления и мужицкой силы, но нет, сапоги испорчены.. Леонид остается больным..

Главная болезнь Л. Андреева в студенческие годы, это—безмерный алкоголизм. Поступив после годичного пребывания в Орле в Московский университет (в 1893 г.), Л. Андреев получил вскоре в этом отношении известность среди московского студенчества, и среди московских студентов существовал особый термин: „пить по—андреевски: аршин колбасы и аршии рюмок“... До какой степени патологично было пьянство Андреева в этот период жизни видно из слов С. С. Блохина. „По его словам Андреев иногда шатался по самым грязным кабакам, по извозчичьим трактирам, а затем являясь на квартиру к Блохину, „со стоном и криком падал на кровать или на пол жалуясь на невыносимые сердечные боли и страх надвигающейся смерти“; так что приходилось оказывать ему помощь, Придя в нормальное состояние, он снова отправлялся пьянствовать. Одним из поводов к пьянству была опять несчастная любовь к сестре его товарища—Антоновой. Случайно у Л. Андреева оказались два товарища по несчастной любви и по пьянству—студенты Сахаров и Скляренко. Все трое пили, что называется, „до положения риз“, находясь в самом мрачном настроении, и все трое покушались на самоубийство—Сахаров повесился, но к счастью, был во время замечен и вынут из петли. Скляренко бросился под поезд, и ему отрезало обе ноги. Л. же Андреев покушался зарезаться бритвой. По словам В. А. Еловского, в попойках с Андреевым участвовал еще один товарищ—Кречетников, который застал Андреева с бритвой в руках и с большим трудом и опасностью отнял ее у Л. Н-ча

пытавшегося зарезать не только себя, но и своего спасителя“ (Н. Фатов, Молодые годы Л. Андреева).

До этого, в январе 1894 г., как сообщает Л. Андреев в автобиографической своей записке, он неудачно стрелялся. Причиной тому было, очевидно, отчаянно плохое материальное положение и связанные с этим тяжелые душевные переживания. При поступлении в Московский университет Л. Андреев ходатайствует, с одной стороны, перед советом университета освободить его от платы за правоучения (прошение „Господину Инспектору Московского Императорского Университета“, к которому было приложено „свидетельство о бедности“, выданное Орловским Городским Полицейским Управлением 10-го августа 1893 г.), с другой стороны, перед Орловским Обществом вспомоществования недостаточным учащимся в высших учебных заведениях об уплате за него в университете платы за правоучения. Денег к существованию у Л. Андреева тоже не было, и он перебивался кое как зарабатывая по уроками, то рисованием портретов. Надо здесь отметить, что Л. Андреев уже в гимназические годы хорошо рисовал, так что знакомые предполагали одно время что Андреев прославится быть может великим художником и ничуть не великим писателем. Сам Л. Андреев вспоминает, что он с большим удовольствием и успехом отдавался живописи, а именно рисовал на заказ портреты по 3 и по 5 рублей штука. Усовершенствовавшись, я стал получать за портрет по 10 и даже 12 рублей («автоб. зап.»).

Но в тоже время Л. Андреев беспрестанно работал над развитием своего таланта писателя, который, может быть, дал первые свои ростки в гимназии. Л. Андреев писал лучше всех учеников сочинения. Писал он сочинения до того длинные, что удивлял ими своих учителей, и каждое сочинение писал в 5,6 редакциях, т. к. он писал их для себя и еще для своих товарищей.

Все же первые шаги молодого писателя были не совсем удачны. Первый его рассказ о „голодном студенте“ был ему возвращен из редакции, а другие рассказы печатались в „Орловском Вестнике“ и то не всегда охотно.

О развитии писательского таланта Л. Андреева его двоюродная сестра Зоя Ник. Пацковская пишет в своих воспоминаниях:

„Начал сочинять очень рано. Писал бесконечные дневники, толстые такие переплетные тетради покупал, но нам никогда не казалось, что он будет писателем и никогда он сам об этом не говорил, скорее можно было подумать, что он будет художником, так как очень любил рисовать и рисовал очень хорошо.

В произведениях своих он брал все из жизни. Обо всех произведениях я не помню, но события, описанные в некоторых, помню хорошо.

Рассказ „Смех“—все были мы вместе. Он был влюблен в одну девицу, Хлуденеву. Он сам был в маске и об'яснял ей в любви, а она смеялась. Еще он был равнодушен к Архангельской, Елене Николаевне, она тоже была тут в нашей компании.

Рассказ—„Ангелочек“. Елка эта была у нас, и наверху был восковой ангелочек; Леонид все на него смотрел, потом взял его себе (моя мать ему его подарила), и когда лег спать, то положил его на горячую лежанку, и он, конечно, растаял. Было ему в это время лет восемь. Но в рассказе кое-что переиначено. Там выводится мальчик из бедной семьи. Леониду же отец и мать делали обыкновенно свою роскошную елку.

В тех рассказах, где мрачные разговоры—отражаются мысли самого Андреева. Еще гимназистом, классе в шестом, он считался Шопенгауэра. И нас замучил прямо. Ты, говорит, думаешь, что вся вселенная существует, а ведь, это только твое представление, и сама ты, может быть, не существуешь, так как ты мое представление ... Помню, это нам очень обидным казалось: „Как так не существую?!!“.

Рассказ „Жили-были“—описал все свои впечатления, как лежал в больнице. Но дьякон, которого он вывел, оказался потом крайне несимпатичным, и Леонид говорил, что ему стоило большого труда довести его характеристику до конца в том же тоне как он начал, переделывать же рассказ уже не хотелось. Но как бы в отместку Леонид в рассказе дьякона уморил, тогда как на самом деле он остался жив, и жив, кажется, и до сих пор. Девица же, которая приходила к студенту это—невеста Леонида, его будущая 1-ая жена.

В „Безде“ Зиночка это—З. Н. Сиб-ва. Все, что там рассказано, очень близко к действительности. Возможно, что все так и было. С Зиной Сиб-вой Леонид был очень близок; она бывала потом у них и чуть ли не в одной комнате их оставляли ночевать (так нам тетка рассказывала; она души в Леониде не чаяла, и ни в чем не могла ему отказать, ну, и во всем виноватой считала, конечно, Сиб-ву); потом он уехал с ней в Петербург, но она ему изменила, вышла замуж, а он перевелся в Московский университет. З. Н. же Сиб-ва уехала, кажется, в Сибирь. Когда „Бедна“ появилась в печати и вызвала нападки будто изображено невероятное событие, то она поместила в какой-то газете письмо, где утверждала, что все это правда, все это так с ней было (?)

«Дни нашей жизни»—это студенческая жизнь Леонида и его товарищей,—Блохина, Глуховцева. Все жили у Фальцфейна; там же жила и мать с девушкой, Оль-Оль по пьесе. Пьесе этой Леонид не придавал большого значения, но она всем понравилась. Л. Н. говорил по поводу ее «не родись хорош, а родись счастлив». «gaudeamus» он хотел продолжать; хотел женить Онуфрия на Лиле, но тот считает себя испорченным, помятым жизнью, и не мог жениться.

Из позднейших прозведений Л. Н. любил «Анатему» и «Царь Голод»—это, говорил, мое детище.

Студентом он приезжал к нам в Ригу, в это время он сильно пил.¹⁾ Он оставил у нас много своих дневников и много писем от него было, но все это осталось в Риге с нашими вещами, и, вероятно, погибло».

Хотя организм Л. Андреева был от природы крепкий, но невзгоды жизни, беспрестанные выпивки, особенно в студенческие годы, бесчисленные попытки самоубийства, сопровождавшиеся необычными перенапряжениями нервов, расшатали здоровье Л. Андреева, и в 1899 году, 2 года спустя после окончания университета, когда он работал в редакции «Курьера», Л. Андреев заболел тяжелой формой неврастении, так что потребовалось клиническое лечение.

Неврастенией страдал Л. Андреев и до того. В 1899 году болезнь лишь заострилась, и Андреев пролежал 2 месяца в клинике, а потом ездил в Ригу для укрепления ослабленного организма.

Главные явления неврастении Андреева: Головные боли, сердечные припадки, боязнь смерти и в то же время часто до того пониженный жизненный тонус, что Андреев теряет инстинкт самосохранения и не дорожит жизнью, упадок энергии с результирующими отсюда утомлением, апатией, отвращением к работе («лень») и к жизни вообще, мизантропические настроения и т. д.

Самым мучительным из неврастенических явлений у Андреева были сердечные припадки, сопровождавшиеся страхом смерти, так что эти припадки весьма часто превращались в тяжелые, скорее истерические, чем неврастенические припадки (истеро-неврастения). Первый сердечный припадок у Андреева был в то время, когда он бросился под поезд. Уцелевши, он ни жив, ни мертв встал и чувствовал *весьма сильное сердцебиение. В то же время он испытал, лежаши под*

¹⁾ «Вот идет Леонид, пьяный, накупил цветов, один веночек через плечо, другой на фуражке, купил воздушный шар и прицепил его за веревочку за пуговицу, а сам ест мороженое пальцами из бумажного пакета. Сестры были недовольны его поведением, особенно тем, что пил. Он же в свою очередь был недоволен приемом. Приехал в Ригу, чтобы найти работы, уроков. Но работы никто не давал, так как было лето. Пытался поступить в Управление Риги-Орловской ж. д., но не взяли, потому, что он уже раньше служил в Орле и так напутал все дела, что потом не могли разобратся в целый месяц. Впрочем, это он сам говорил; может быть,—это его фантазия. Приятное воспоминание у него осталось лишь от моря. Море он страшно любил вообще. Всем же остальным в Риге он был очень недоволен. «Вообрази себе,—рассказывал он.—приехал в Ригу, зову сестер к морю. Пошли. Они заботятся о закусках. Я им указываю на красоту моря, а они повернулись спинами и стали есть колбасу»...

(Из воспоминаний Софьи Дмитриевны Пановой)

поездом, неопиcуемый страх смерти. Он болел этот раз несколько дней. Было тогда Леониду 16 лет.

Итак, перенесенная в раннем юношестве тяжелая травма является первопричиной истероневрастенических сердечных припадков Л. Андреева: Это весьма характерная и обычная этиология истерии и истерических припадков. Соответствующий психоанализ быть может дал бы хороший результат при лечении Андреева от этих его припадков, особенно если он мог бы воздержаться от алкоголя. Мы не знаем, провели ли врачи, лечившие Андреева показанный в этом случае психоанализ, к тому же Андреев не переставал всю жизнь пить запоем, так что вряд ли психоанализ, если он был произведен, мог оказать целительное действие. Но факт таков, что сердечные припадки случались с Л. Андреевым то чаще, то реже и были настоящим бичем писателя до конца его жизни. Это были временами самые тяжелые истероневрастенические припадки с неопиcуемо мучительным страхом смерти,

Неврастенические головные боли Л. Андреева тоже надо свести на травму, перенесенную в самом раннем детстве (удар по голове самоварной крышкой). Травма эта получила потом поддержку в алкоголе. Что же касается неврастенического характера Леонида Андреева, нашедшего себе выражение как в жизни, так и творчестве писателя, то здесь приходится нам прибегнуть к продолжению эндокринологического анализа Л. Андреева.

При неврастении с явлениями общей вялости, утомления, потери энергии и инстинкта самосохранения и т. д. надо подозревать нарушение в правильных коррелятивных функциях эндокринного аппарата со стороны интерстициальной железы (половые железы) или щитовидной или, наконец, адреналиновых желез.

Половой аппарат у Л. Андреева был на высоте своих функций. Об этом говорит его крепкое телосложение, в котором нет ничего женственного, хорошее развитие вторичных половых признаков, как, напр., пышная борода, и нормальное отправление половых функций, щитовидная железа, повидимому, тоже не отставала у Л. Андреева, за это говорит его живой ум и интеллектуальная находчивость, несмотря на слабый запас знаний. Остается обвинить недостаточность адреналиновых желез, как эндокринную причину неврастении Андреева. Известно, что при подобного рода недостаточности развиваются явления быстрой утомляемости, нежелания работать и общий упадок жизненных сил.

Вся жизнь Л. Андреева, до последнего его дня, есть одна длинная, непрерывная цепь доказательств того, что он страдал, выражаясь психиатрически, тяжелой формой истероневрастении, находившей благоприятную почву для своего развития

и переистенции в не менее тяжелом хроническом алкоголизме. Выражаясь же эндокринологически, *Л. Андреев* представлял собой *гипоадреналинно-питуитоцентрическую личность*. Высоко развитый питуитоцентризм Андреева находит свое объяснение в *кумулятивном действии его наследственности*, ибо как отец, так и мать Л. Андреева были питуитоцентрическими личностями. Что же касается адреналинной недостаточности Л. Андреева, то ее приходится рассматривать, как дегенеративное явление, связанное скорее всего с наследственным алкоголизмом. Пагубное влияние алкоголизма на эндокринную систему хорошо известно, и дети бездарных алкоголиков очень часто инфантильны, евнухоидны и т. д., т. е. индивиды с тяжелыми расстройствами эндокринной системы. Неудивительно поэтому встретить у Андреева, сына алкоголика, предававшегося самому необузданному алкоголизму, недостаточность адреналинных желез. Это вполне естественно и понятно.

Иван Андреевич Крылов (1769-1844).

Вряд ли кто-нибудь из великих творцов художественного слова так беден биографическими данными, как Крылов. Между тем, Крылов принадлежит к величайшим творцам художественного слова и к популярнейшим баснописцам не только России; но чуть ли не всего мира. «Крылов переведен не только на большинство европейских языков, но и на некоторые азиатские. По подсчету, сделанному одним из исследователей нашего автора в 1895 г., басни Крылова известны в переводах на 21 языке. Такая популярность Крылова за пределами его родины достаточно ясно говорит о том значении, какое по праву принадлежит ему, не только как писателю национальному, но и как одному из мировых писателей, стоящему в ряду величайших творцов художественного слова, не уступающему по силе своего поэтического дарования своим собратям по призванию, замечательнейшим баснописцам Европы».

Обвиняют в нашей бедности биографическими материалами о жизни великого русского баснописца самого Крылова, который был мало общителен, жил уединенно и ни с кем не делился ни своим настоящим и еще меньше воспоминаниями о своем прошлом. Тем не менее то, что сохранилось до наших дней о жизни и деятельности Крылова, вполне достаточно для того, чтобы мы могли построить эндокринологическую его формулу.

Родители Крылова—отец и мать—должны оба считаться одаренными, хотя они ни в какой области знания и техники, ни в искусстве и ни в литературе не только не отличались, но и вообще мало смыслили: оба были полуграмотными. «Отец—Андрей Прокофьевич, выслужился из простого рядового в капитаны, а затем, выйдя в отставку, поселился в Твери, где он занимал должность второго председателя губернского магистрата и где застала его смерть, когда маленькому Крылову шел десятый год. Человек мало образованный, умевший лишь читать и с грехом пополам писать, Андрей Прокофьевич, видимо, отличался любознательностью, судя хотя бы по тому, что после его смерти в наследство сыну достался сундук с книгами. Особенно тепло вспоминал всегда И. А. Крылов о своей матери, «первой радости» и «первом счастье» своей жизни. Женщина энергичная и умная от природы, она, несмотря на то, что была безграмотна или почти безграмотна, умела высоко ценить преимущества образования и всячески старалась приохотить сына к учению».

Одаренность родителей Крылова должна считаться потенциальной. Очевидно, что мать Крылова при своей природной любви к просвещению и при том усердии, с которым она склоняла своего сына к науке, была бы в состоянии сама достичь больших успехов в науке, если бы она могла ей отдаться. При бедном же своем положении она осталась почти неграмотной, прививая свою любовь к науке сыну.

Унаследованная от родителей одаренность показала себя у Ивана Андреевича с самых юных лет. Научившись рано читать, он зачитывался по дням и по ночам и научился даже, неизвестно как, французскому языку. Четырнадцати лет он написал первую свою комическую оперу «Кофейница» и с тех пор не переставал больше писать, испытывая свои силы в различных областях литературы; в драме, трагедии, комедии, сатире, развивает усердную журнальную деятельность пока не достиг апогея славы, как один из величайших баснописцев всех времен и всех народов.

Гениальная одаренность Ивана Андреевича стоит вне всякого сомнения, хотя она может показаться многим уж чрезмерно «ограниченной» и «специализированной». И вот проследим по обыкновению гениальность нашего баснописца, в связи с развитием, колебаниями и вырождением эндокринного его аппарата.

По внешности *Крылов* был пикник с наклонностью к ожирению, которая с годами делалась все сильнее. Соматоскопически *Крылов* принадлежал, таким образом, к гипофизарному типу конституции, что вполне соответствует питуитоцентрической природе личности нашего баснописца.

Питуитоцентрическая сила *Крылова* достигает кульминационной своей точки в сороковые годы его жизни, когда он преимущественно и окончательно отдается баснописанию. Есть, конечно, биографические данные утверждающие, что для Крылова басня всегда была излюбленным родом поэтического творчества. В роли баснописца *Крылов* выступает еще в 1788 г., когда в «Утренних Часах» за 1788 (ч. I и II) появляются несомненно принадлежащие ему три басни: «Стыдливый игрок», «Судьба игроков» и «Павлин и Соловей». Под всеми этими баснями в случайно найденном экземпляре находим подпись: «С. И. Крылов», т. е. сочинил И. Крылов. По свидетельству Лобнова, одного из первых биографов И. А. Крылова «первым его опытом в стихах была басня, переведенная им на четырнадцатом году из Лафонтена, которую знатоки того времени, и между прочим И. И. Бецкий, хвалили, но время истребило ее».

Ничего на свете не делается deus ex machina. И если Крылов в 1805 г. принимает за басню и усердствует в следующих годах в этом жанре творчества, то должно думать, что он и раньше интересовался этим родом творчества. Но ошибочно

было бы считать Крылова баснописцем с 1788 г. или начиная с какого-нибудь другого года раньше 1805. До 1805 г. *Крылов* был в такой же мере баснописцем, как, скажем, драматургом. До этого года Крылов не познал себя баснописцем и старался выдвинуться кем бы то ни было другим, только не баснописцем. Когда же питуитоцентризм Крылова вполне созрел, то его талант определился, и тлевшая в нем искра гениальности вспыхнула в виде баснотворства. Опубликовав в 1805 г. несколько басен, он в 1809 г. выпускает отдельное издание своих басен в количестве 23-х, а через два года следует новый выпуск, в который вошла 21 басня. В обоих этих выпусках половина басен вполне оригинальна. В дальнейшем следует ряд новых выпусков и к началу 40 годов окончательно складывается тот текст Крыловских басен, какой нам известен в настоящую пору. Он включает в себе 197 №№, из которых на долю заимствованных приходится около 40. Весь этот материал самим Крыловым был распределен на 9 книг, объединенных в одном сборнике».

Басни сделали Крылова в весьма короткий срок знаменитостью и звездой первой величины в русской литературе. Российская Академия избирает его своим членом (в 1811 г.). Одновременно начинаются его успехи и повышения на служебном поприще. Прослужив недолго в монетном департаменте, Крылов в 1810 г. выходит в отставку, а в 1812 г. определяется помощником библиотекаря в Публичную Библиотеку под начальство А. Н. Оенина, с которым он сблизился года за четыре до этого. С 1816 г. он занимает уже должность библиотекаря и служит до 1841 г., когда уже окончательно уходит в отставку».

Уже в годы расцвета своего гения, как баснописца, Крылов не был особенно плодовит: бывало так, что в течение двух лет подряд из под его пера не выходило ни одной басни; бывали годы, когда он писал не более одной-двух басен. С 1833 г. Крылов, видимо, совсем замолкает.

Эти факты говорят за то, что питуитарная железа Крылова вскоре после достижения наивысшей степени своего функционального развития начинает терять функциональные свои силы, на что указывает не только погасающее творчество, но все более прогрессирующее ожирение, как верный признак питуитарной недостаточности. Однако, недостаточность эндокринной системы не остается у Крылова в этот период жизни ограниченной на одну только питуитарную железу, о чем можно судить по следующему отрывку из его биографии.

«До гий период жизни Крылова, связанный со службой в библиотеке, очень небогат такими биографическими фактами, которые могли бы остановить на себе наше внимание. Жизнь писателя, материально обеспеченного и окруженного славой и почетом, шла однообразно, так что один день у него почти

всегда походил на другой. Он жил лениво и вяло, «философствуя сквозь сон» и относясь с полным равнодушием к тому, что делалось за стенами его комнаты. Ему скучно было и с серьезными книгами и с людьми. Тех и других он избегал и, чтобы как-нибудь убить время, читал пустые, бессодержательные романы. Как и у Обломова, у него пропадали даром зародыши многих талантов, какие могли бы блестяще вывестись, будь это более подвижная и деятельная натура. А между тем было время, когда Крылов способен был сильно чувствовать, волноваться, кипятился, когда натуре его свойственны были сильные душевные движения и настойчивость в достижении поставленных себе целей. Это было в пору молодости, во время работы его над своими ранними комедиями и писания сатирических статей в своих журналах. Но вслед за этим наступает упадок энергии, подвижность и живой темперамент сменяются апатией и застоём. Чем объяснить такой крутой поворот в характере Крылова, сказать трудно в виду крайне скудного биографического материала о нашем писателе».

«Крутой поворот в характере Крылова» объясняется безусловно наступившим, очевидно, изнурением после сильных напряжений в молодые годы не только питуитарной железы (потеря подвижности и живости темперамента, способности сильно чувствовать), но и адреналиновых желез. Энергия жизни, неутомимость, настойчивость в достижении поставленных себе целей, способность «кипятиться», все это свойства, связанные с функцией подпочечников. При недостаточности подпочечников отмечается упадок энергии, повышенная утомляемость и ряд других явлений, характерных для неврастении.

Очевидно и другие эндокринные железы, в особенности половые железы и щитовидная, не были у Крылова в функциональном отношении на той высоте, при которой возможна была бы компенсация вырождающихся питуитарной и надпочечных желез. Экссессы и *bascho et venere* у Крылова не отмечаются. Есть даже основание думать, что функция половых желез у Крылова была скорее понижена, чем повышена. Кроме пристрастия к игре в карты, никакие другие увлечения у Крылова его биографом не отмечаются. Но зато Крылов страдал последние годы несдержанностью в пище, которая была и причиной его смерти, последовавшей 8-го ноября 1844 г., на 76-м году жизни баснописца. Эту несдержанность придется нам привести в связь с общим симптомо-комплексом плюригландулярной эндокринной недостаточности, который характеризует последние годы жизни нашего баснописца.

Иисус Христос—как тип душевно-больного.

Д-ра Я. В. Минц (Москва).

«Многие из них говорили:
«Он одержим бесом и безумствует».
Евангелие от Иоанна X. 20.

Религия и восприятие того или иного религиозного учения народом в определенную эпоху несомненно зависит от тех общественных отношений, которые определяют весь социальный и культурный уровень нации и отдельных классов. Развитие науки и техники, постепенно раскрывающих человеку тайну процессов и явлений в природе—грома, молнии, состава солнца, планет, законов тяготения, тайну материи и энергии, тождества элементов мертвой и живой природы, эволюции видов животных от простейших до человека—все эти завоевания науки делают все менее и менее возможным проникновение религии в массы. Возможно ли появление в наше время человека, выдающего себя за «сына бога», посланного «богом» на землю для спасения людей, который бы в более или менее культурном центре Европы собрал вокруг себя такое количество учеников и приверженцев. Несомненно, такой «сын божий» был бы передан в наше время в руки психиатра для помещения в психиатрическую лечебницу, как душевно-больной. В действительности каждый психиатр знает и сейчас этих мелких «сынков божьих» и «богов», обитателей сумасшедших домов, которым даже удастся собрать последователей среди своих соседей по палате, слабоумных и психопатов. Среди самых экономически отсталых и диких народов, в отдаленных от культурных центров деревнях, где религиозный дурман еще силен, религиозно-помешанные «представители бога на земле» еще появляются в наш век, находя адептов и поклонников. Самое элементарное знание о психических болезнях, о мании величия, о религиозном бреде необходимо для того, чтобы понять истинное лицо этих одержимых, которые слышат «голос божий», видят «ангелов и демонов», посланных «господом» для переговоров с ними о спасении человечества. Тяжелое экономическое положение, войны и кризисы, широкое распространение религии в разные эпохи до и после т. н. Рождества Христова, всегда являлись благодарной почвой для проповедей «сынов божьих».

Что представляют собой эти «боги» на земле. Группа душевно-больных известных под названием параноиков.

Вот как определяет эту болезнь—параною—Крепелин: «параноя есть заболевание, которое характеризуется тем, что на почве своеобразного психопатического предрасположения, при сохранении осмысленности и правильного мышления, у человека развивается стойкая система бреда». Благодаря сохранившейся умственной силе, бред этих больных складывается в стройную, последовательную и яркую систему, носящую черты творчества: среди них эти знаменитые изобретатели машины вечного движения, аппаратов в одно мгновение переносящих на тысячу верст, они же составляют группу пророков, святых, «невест христовых» и т. д.

Характерным для параноиков является их эгоцентризм: они считают себя центром всех событий. Весь мир полон символов, имеющих отношение исключительно к ним. Часто, особенно при религиозной параное, появляются галлюцинации зрительные и слуховые: слышатся голоса с неба, пение ангелов, видят лики святых и т. п.

Эти разные типы душевно-больных—изобретатели, мистики и т. д.—черпают материал своего бреда из тех идей и мыслей, которые в данную эпоху и в данной среде широко распространены, своеобразно преломляя их через свою болезненную психику и относя все к себе: в эпоху развития религии, окруженные мистически настроенной средой, параноики считают себя мессией, представителями бога на земле; в наш век электричества и авиации—они изобретатели самых могущественных и фантастических машин.

Мы увидим, как эпоха появления христианства распала к появлению мессии, избавителя иудеев от ига завоевателей, от всех бед и гонений. Появился параноик, которого потом описывали евангелисты под названием Иисуса Христа. При этом вероятно, что личность Христа является изображением не одного определенного индивидуума, а сборной группы одержимых религиозным бредом.

Большая литература существует по вопросу о том, существовал ли в действительности Иисус Христос или же это миф, созданный впоследствии евангелистами¹⁾. На основании разбора всего относящегося к личности Иисуса, его жизни, пождений и проповедей, мы покажем, что Христос элицетворяет собой параноиков той эпохи, когда еще не было никакого представления о душевных болезнях, и бред принимался определенной средой, религиозно настроенной, ожидающей чуда, за истину.

¹⁾ Проф. А. Дрекс: Миф о Христе.

До Иисуса и после него такие же параноики, действительно существовавшие у разных народов, считались истыми «сынами божьими», спасителями.

Нужно подчеркнуть, что характер бреда, поведение и галлюцинации у разных религиозных параноиков протекают более или менее одинаково, несколько варьируя лишь в зависимости от среды и эпохи, чтобы понять сходство биографии всех этих «сынов божьих».

В Индии: Кришна, Будда (Sidhartha) и т. д.; Иранский Заратустра; Магомет, Савонаролла и т. д. У всех можно отметить следующие общие черты: они считают себя богами, предназначенными спасти мир, уже взрослыми покидают семью, уединяются, предаваясь посту, бродяжничают, галлюцинируют, всех демон старается совратить с пути истины, но они его побеждают, все они находят приверженцев и совершают чудеса исцеления истеричных больных. Большинство происходит из мелко-буржуазной среды ремесленников: плотники (Иисус), пастухи (Магомет) и т. п.

Наследственность Иисуса.

Все данные о том, кого называли Иисусом, почерпнуты из евангелий как самых старых, так и позднейших. Только психиатры и невропатологи могли бы выдумать такой цельный тип параноика с характерной наследственностью, конституцией, галлюцинациями, образом жизни и т. д. Так как в ту эпоху не существовало психиатрии и психиатров, то нужно считать несомненным, что личность Христа изображена по душевно-больным параноикам, которых писавшие или окружающие действительно знали и наблюдали, пишет известный французский психиатр Бинэ.¹⁾

Настоящее имя Иисуса было Иешу. Родители его жили в маленькой провинции Галилее (по-иудейски galil na goim), вассальное царство Римской империи. Гористое место, куда очень мало проникало влияние более культурных стран, вследствие плохого сообщения; наряду с невежеством, религия была там очень распространена, Город Назарет, где обитали Иосиф и Мириам, родители Иисуса, представлял собой маленький городок, с примитивными домами, окруженный горами; главным занятием жителей было виноделие и алкоголизм был там сильно распространен.

Отец Иисуса был плотником, обитавшим ^в маленьком домике из двух комнат: в одной жила вся семья, другая была мастерской. Иосиф и Мириам были очень набожными, трижды в день посещали синагогу и часто ходили в Иерусалим молиться в храме, особенно в такие праздники как Пасха и т. п. Иосиф умер, очевидно, рано, ибо со времени исчезновения Иисуса в

¹⁾ Binet-Sanglé: La folie de Jesus.

Иерусалиме, в возрасте 12-ти лет, больше евангелие о нем не упоминает. Мать Христа была родственницей матери Иоанна Крестителя, женщина очень набожная, часто ходила в Иерусалим. Во время первых бредовых идей Иисуса она была очень взволнована и позвала других сыновей, чтобы его схватить:

„Извещенные о его поведении, родные бросились его искать, ибо считали его ненормальным“¹. Они нашли его в Капернауме, где он в одном доме спорил с учеными из Иерусалима, окруженный толпой, когда Иисусу сказали, что его спрашивают мать и братья, он ответил: „кто моя мать и кто мои братья. Вот моя мать и братья, ибо кто выполняет волю бога, тот мои братья и мать“. Но через некоторое время мать и часть братьев, считавшие Иисуса ненормальным, сделались его поклонниками и разделили его бродячую жизнь. У Иисуса было четыре брата: Иаков, Иосиф, Симеон и Иегуда. Из них Иаков был очень религиозным, сделался последователем Христа видел Иисуса после его казни (галлюцинация); в 38-м году после Р. Х. он был во главе христианской общины в Иерусалиме, а по некоторым—был первым епископом христианской церкви. Иаков был казнен иудейскими ортодоксами. Как и Иисус, Иаков не оставил потомства.

Конституция Иисуса.

О внешнем облике и конституции Иисуса мы можем судить лишь приблизительно по некоторым, главным образом, косвенным данным из евангелия. Как известно, обычно его изображают худым, бледным, с печатью страдания на лице.

В настоящее время мы отмечаем определенное соотношение между физической конституцией и душевной.

Лица астенической конституции, т. е. худые, бледные, с нежной кожей, узкой и плоской грудью, обычно отличаются необщительным, тихим и плоской грудью, обычно отличаются необщительным, тихим, серьезным, застенчивым, тонкочувствующим характером: они впечатлительны, нервы, раздражительны. Противоположный им тип—пикнический—отличается низким ростом, сильным развитием жира, главным образом, на животе, широким румяным лицом на короткой шее, округлой большой головой и выпуклой грудной клеткой. Люди этой конституции общительны, добродушны, веселы, склонны к юмору, живы и остроумны²).

Согласно этой схеме, изображение Иисуса худым, бледным, с плоской грудью вполне правдоподобно. По описаниям Иисус представлял собой тихого, необщительного, впечатлительного, тонкочувствующего, нежного мечтателя-идеалиста, которому соответствует астеническая внешность. В евангелии имеются

¹) Евангелие от Марка III. 21.

²) Кречмер: строение тела и характер.

указания на небольшой рост Иисуса, особую нежность его лица; он обладал очень небольшой силой, не был в состоянии нести свой крест к месту казни, что делали обычно все приговоренные. Накануне казни, когда Иисус был со своими учениками, молясь о том, чтобы „отец“ избавил его от этого испытания, он вдруг увидел ангела, который начал его утешать; Иисус упал на землю в состоянии ужасного страха и все лицо его покрылось кровавым потом. ¹⁾ Этот кровавый пот является очень веским указанием на невропатическую конституцию Иисуса. Мы знаем, что в средние века у очень многих истеричек, „одержимых демоном“, при мысли о страдании Христа появлялся кровавый пот на лице или груди.

У древних евреев женитьба и деторождение считались обязательным религиозным актом, во исполнение библейских слов: „плодитесь и размножайтесь“. Нужны были очень серьезные причины для того, чтобы мужчина не выполнил этой религиозной обязанности. Главной причиной была душевная болезнь.

Как известно, Иисус не был женат и не имел детей. По обычаю древних иудеев, отец мог разрешить или даже предложить своему сыну, достигшему 20-ти летнего возраста, любовницу, Иисус не имел и любовниц. Как у большинства психопатических лиц этого типа, половое чувство и инстинкт размножения были у Иисуса атрофированы; эта половая импотенция связана обычно с недоразвитием полового аппарата.

Иисус говорит своим ученикам; „Вы знаете, что сказано: „не прелюбодействуй“. А я говорю вам, кто посмотрит на женщину с вожделением—уже прелюбодействовал в сердце своем“. „При воскресении мужчины не возьмут себе жен, а женщины не будут даны мужчинам в жены, все будут как ангелы на небесах“.

Он проповедует воздержание и на земле: „Не все понимают сие, а только те, кому дано. Есть евнухи, рожденные такими в утробе матери, другие сделаны евнухами людьми, третьи, наконец, сами себя сделали евнухами для царствия божья. Кто может это понять—понимает“. „Блажены бесплодные, утробы не рожавшие и сосцы не питавшие“.²⁾

Бредовые идеи Иисуса Христа.

Выше мы указывали на то, что параноики черпают материал своего бреда из тех идей и мыслей, которые в данное время распространены в стране, относя все к себе. Чтобы понять бредовую идею Иисуса о том, что он Maschia „сын божий“, „спаситель“, необходимо несколько остановиться на messiанских надеждах, которые в то время были распространены в Иудее. Maschia означает—помазанник, по гречески

¹⁾ Евангелие от Луки XVII 374.

²⁾ Евангелие от Луки XXIII.

Христос; некоторые называли *Maschia* царя, потомка Давида который по предсказаниям пророков должен явиться неожиданно и спасти Иудею от ига поработителей. Позже, Мессией стали называть посланника Бога—Иеговы, который придет в Иерусалим основать „вечное царство“. Он восстановит по всей земле царство справедливости и истины. Иоанн Креститель, проповедуя, говорил: „Идет за мною сильнейший меня, у которого я недостойн, наклонившись, развязать ремень обуви его. Я крестил вас водой, а он будет крестить вас духом святым“.

В возрасте 12 лет Иисус впервые заявил, что он «сын божий» и должен заняться «делами отца своего». Произошло это при следующих обстоятельствах: возвращаясь однажды из Иерусалима в Назарет, родители вдруг спохватились, что Иисуса нет среди них, не нашли его и среди родственников, которые возвращались вместе с ними. Семья Иисуса вернулась в Иерусалим и после долгих поисков нашла его в храме, где он спорил с учеными о значении разных мест Библии. Когда мать стала упрекать Иисуса—почему он заставил родителей искать его, он ответил: «Разве я не должен заниматься делами отца моего». ¹⁾ Мать была очень встревожена таким ответом сына и с тех пор стала предполагать его ненормальность.

Своим ученикам он говорил: «Я есмь мессия». Когда самарянская женщина в беседе с Иисусом говорит: „Знаю, что придет мессия, т. е. Христос“,—он ответил: „Это я, который говорю с тобой“. Вера в свое мессианство все больше и больше укреплялась в Иисусе, а окружающие его ученики, еще сильнее укрепляли в нем эту веру. Относя отныне все сказанное о мессии в Библии, о сыне божьем к себе, что типично для параноиков, Иисус уверял всех, что „ныне исполнилось писание сие“. В синагоге Назарета, когда ему пришлось прочесть вслух, по обычаю, отрывок из книги Исаия: „Дух господень на мне, ибо он помазал меня благовествовать нищим и послал меня исцелять сокрушенных сердцем“,—Иисус, кончив чтение, обратился к присутствующим: „Ныне исполнилось писание сие“.

Исцеление ²⁾ некоторых истеричных больных путем типичного внушения имело огромное значение как для развития бредовой идеи Иисуса о его божественном происхождении, так и для веры его учеников и поклонников.

Когда после проповеди Иисус сошел с горы, он встретил прокаженного, который, кланяясь, сказал: „Господи. Если хочешь, можешь меня очистить“. Иисус, простерши руку, сказал: „Хочу, очистись“, и он очистился от проказы. Нужно думать, что это была какая-то сыпь нервного происхождения, которая исчезла под влиянием внушения.

¹⁾ Евангелие от Луки II.

²⁾ „ от Матфея IX.

Сотнику на просьбу исцелить слугу он ответил: „Иди, и как ты веровал, да будет тебе“. Слуга выздоровел. К Иисусу привели многих бесноватых и он изгнал духов словом и исцелил всех больных. Для нас нет ничего удивительного и чудесного в том, что словом можно исцелить некоторых истеричных, но в ту эпоху все эти факты могли лишь усилить бред величия параноика. Очень типичен случай с дочерью одного начальника: она страдала кровоточивостью 10 лет; когда Иисус, по просьбе отца, вошел в дом, больная прикоснулась к краю одежды его, веря, что это прикосновение ее исцелит. Иисус же сказал ей: «Дерзай, дочь, вера твоя спасла тебя».

У слепых он спросил: «Веруете ли, что я могу это сделать». Те ответили, что веруют. Иисус коснулся их и сказал: «По вере вашей да будет вам». И открылись глаза их. Все эти больные, удивленные, не понимающие, кричали Иисусу: «Ты—мессия, сын божий». Когда он разбудил заснувшего летаргическим сном Лазаря, все в удивлении воскликнули: «Великий пророк восстал между нами».

И Иисус стал верить, что он «сын божий». «Я от Бога исшел и пришел; ибо я не сам от себя пришел, но он послал Меня». «Все предано мне Отцом моим, и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына». «Отец знает Меня, так и я знаю Отца».

«Мое учение—не мое, но пославшего меня».

«Я знаю Его, потому что я от Него и он послал Меня»¹⁾.

Вскоре Иисус стал себя совершенно отождествлять с богом, что также очень характерно для душевно-больных параноиков; многие в то время стали говорить: «Он одержим бесом и безумствует».

«Я и Отец—одно».

«Верующие в Меня не в Меня веруют, но в пославшего Меня; и видящий Меня видит пославшего Меня».

«Разве ты не веришь, что я в Отце и Отец во Мне»

Психиатрия не знает более разительных примеров религиозного бреда.

Это «Он, сын человеческий, во славе Отца своего с ангелами своими» будет судить всех в день «последнего суда».

«Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну, дабы все чтити Сына, как чтут Отца».

Но не только себя, а и окружающих параноики считают великими, знатными полубогами.

Иисус говорит своим ученикам, что в день последнего суда, когда он будет сидеть на «троне своей славы», они, ученики его, также будут сидеть на «12 тронах и судить 12 колен израильских».

¹⁾ Евангелие от Иоанна VII и VIII.

Вся бредовая система Иисуса завершается предсказанием мученического конца своего, о котором сказано еще в старом завете.

Все, что в библии и священном писании относилось к мессии, сыну Давида, пророкам и т. д., Иисус относил к себе. Будучи постоянно преследуем и гоним, подвергаясь всегда опасности быть убитым ортодоксами, он относит к себе слова пророка Данииля: «После 62 недель Мессия будет уничтожен без всякой вины с его стороны».

Иисус говорит своим ученикам: «И свершится все написанное пророками о сыне человеческом, ибо предадут его язычникам и надругаются над ним, и оскорбят его, и оплюют его, и будут бить его, и убуьют»¹⁾.

«Сыну человеческому должно много пострадать и быть убиту».

Галлюцинации Иисуса.

Бредовые идеи Иисуса, появившиеся в самом раннем детстве и в течение всей его жизни все более и более расширяющиеся, в конце концов вызвали появление галлюцинаций зрительного и слухового характера.

В большинстве случаев характер и содержание галлюцинаций находятся в полном соответствии с преобладающим типом бреда. У больных с религиозным бредом наблюдаются зрительные, слуховые и обонятельные галлюцинации: они видят ангелов, святых, слышат голос божий и т. п.

Впервые мы встречаем указания на галлюцинацию у Иисуса в евангелии в то время, когда он крестился у Иоанна в Иордане (30 лет). Когда Иисус выходил из воды, он увидел разверзающиеся небеса и «духа господня», спускающегося на него в виде голубя. Одновременно он услышал глас с небес: «Ты—Сын мой возлюбленный, в котором мое благоволение»²⁾.

Вскоре после этого Иисус стал очень возбужденным, впал в состояние экстаза и, по данным евангелия, удалился в пустыню. Здесь будто он пробыл 40 дней и 40 ночей, предаваясь посту. В этой обстановке состояния истощения от голода и возбуждения—галлюцинации продолжают.

Появился сатана, который приблизился к нему и, соблазняя, сказал:³⁾ «Если ты сын божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами». Иисус ответил: «Написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст божьих».

Интересно, что голод вызвал галлюцинацию о хлебе, что очень рельефно выдает ее происхождение.

¹⁾ Евангелие от Луки IX.

²⁾ " " Марка I.

³⁾ " " Матфея IV.

Галлюцинации продолжают: дьявол переносит Иисуса в Иерусалим, ставит на крыле храма и говорит: «Если ты сын божий, брось вниз, ибо написано: «Ангелам своим да повелевает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не предкнешься о камень ногою твоей». Иисус ответил: «Написано также—не искушай господа бога твоего». Затем дьявол берет Иисуса на высокую гору и показывает ему все царства мира и славу их и говорит: «Все это дам тебе, если, падши, поклонишься мне». Иисус опять ответил сатане: «Отойди от меня, ибо написано: господу богу твоему поклоняйся и ему одному служь». Сатана оставляет Иисуса и «ангелы приблизились к нему и служили ему». Впоследствии Иисус еще раз видит сатану и ангелов: однажды он сказал ученикам, что видит сатану, спавшего с неба как молния. Накануне казни к Иисусу явился ангел и укреплял его.

Таким образом, у Иисуса был целый ряд галлюцинаций, связанных с его религиозным бредом.

Смерть Иисуса.

По указанию Иуды, Иисус был взят стражей и отведен к первосвященнику. После долгих переговоров с Пилатом, он был приговорен к распятию.

Во время распятия Иисус сказал: «Отче, прости им, ибо не знают, что делают». Один из преступников, которого распяли одновременно с Иисусом, сказал: «Помяни меня, господи, когда придешь в царство твое». Иисус ему ответил, что сегодня же он будет с ним в раю ¹⁾.

Итак, Иисус Христос в свете современной психиатрии вырисовывается, как типичный душевно-больной—параноик.

Происходя из мелкобуржуазной семьи плотника, обитавшего в маленьком городке Назарет, где невежество и самая фанатическая религия были очень распространены, Иисус с детских лет окружен набожной средой, мистически настроенной. Отец Иисуса, как и большинство жителей Назарета, сильно пил, умер очень рано. Мать была в родстве с другим религиозным параноиком—Иоанном Крестителем, часто посещала синагогу и ходила вместе с детьми в Иерусалим во все праздники. Брат Христа, Иаков, также увлекается проповедью брата; уверовав в его божественное происхождение, галлюцинировал после смерти Иисуса.

С детских лет Иисус много читал Библию, Священное Писание; вокруг него все только и говорят о скором пришествии Мессии, сына Давида, посланного Богом спасти мир.

В 12 лет Иисус высказывал в первый раз бредовую идею своего божественного происхождения, заявляя, что он должен заниматься делами отца своего. Родные начинают относиться к нему, как к ненормальному. Постепенно бредовая идея развивается, Иисус начинает считать себя тем мессией, которого

¹⁾ Евангелие от Луки XXII.

все ожидают; признание учеников и последователей, признание Иоанна Крестителя, исцеление истериков—укрепляет и фиксирует эту идею.

Затем он—сын божий, спаситель мира, будущий судья в вечном царстве и, наконец, бред достигает апогея—он и отец—одно.

Ведя бродячую жизнь, удаляясь часто даже от учеников, Иисус в пустыне начинает галлюцинировать, при этом содержание галлюцинаций соответствует всей религиозной бредовой идее: сатана—враг бога—соблазняет его, ангелы ему прислушиваются и утешают, дух божий говорит: «Ты—сын мой».

Конституция Иисуса соответствует типу душевно-больного—параноика; худой, бледный, слабый, лишенный полового чувства и инстинкта размножения.

Тот, кого считают создателем христианской религии, — душевно-больной — параноик.

Литература:

1. A. Binet, La Folie de Jésus.
2. Евангелие от Матфея.
3. . . . Марка, Луки и Иоанна.

ЖУРНАЛ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1928 ГОД.

(VI-й год издания)

ДЛЯ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН,
ПОСВЯЩЕННЫЙ ВОПРОСАМ ПРАКТИЧЕСКОЙ и ТЕОРИТИЧ. МЕДИЦИНЫ.

ВРАЧЕЙ

Издается в Ленинграде Государственным Институтом для Усовершенствования Врачей.

Ответственный редактор проф. **С. А. БРУШТЕЙН.**

Члены РЕДАКЦИИ: профессора Л. В. Блуженау, К. Н. Георгиевский, П. Н. Диатроптов (Москва), К. Э. Добровольский, Н. Н. Петров, Д. Д. Плетнев (МОСКВА) и Ф. Я. Чистович.

В 1928 году подписчики получают

12 №№ журнала и **6** книг бесплатных приложений:

1. А. А. Миллер—Этиология и профилактика скарлатины.
2. Luger, Maliva, Bum, Breitner, Strasser—Терапия болезней суставов.
3. Проф. Strauss—Ошибки при лечении питанием.
4. Проф. Veil—Общая патофизиология и терапия почек и мочевыводящих путей.
5. J. Vaer—Общая конституционная патология.
6. Д-р L. Pincussen — Возможные ошибки при химико-клинической диагностике и их предупреждение.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА (с пересылкой и доставкой):

В СССР:

За границу:

на 12 месяцев 10 руб.		на 12 мес. 12 р. или 6 дол.
» 6 » 6 »		» 6 мес. 6 р. или 3 дол.
» 3 » 4 »		

Подписчики, желающие получать журнал заказным порядком, вносят дополнительно: годовые—1 руб., а полугодовые—50 коп.

ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА:

для годовых подписчиков: при подписке — 4 руб., к 1 мая — 4 руб. и к 1 сентября — 2 руб.; для полугодовых подписчиков: при подписке— 4 руб. и к 1 мая—2 руб.

Рассрочка допускается только при непосредственной подписке через контору журнала.

Подписчикам, приславшим годовую плату полностью и непосредственно в контору журнала, скидка 10%.

ПОДПИСКУ, ДЕНЬГИ и ЗАПРОСЫ СЛЕДУЕТ НАПРАВЛЯТЬ ТОЛЬКО ПО АДРЕСУ:

Ленинград, 15, Кировская 41, Конторе Журнала для Усовершенствования Врачей.